

THE NEW PALGRAVE

**«НЕВИДИМАЯ РУКА»
РЫНКА**

THE NEW PALGRAVE

**THE INVISIBLE
HAND**

Edited by John Eatwell, Murray Milgate,
Peter Newman

THE NEW PALGRAVE

«НЕВИДИМАЯ РУКА» РЫНКА

Под редакцией Дж. Итуэлла,
М. Милгейта, П. Ньюмена

Перевод с английского

Научный редактор
д-р. экон. наук, проф. *Н.А. Макашева*

Издательский дом ГУ ВШЭ
Москва 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ (ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕРИИ)	VII
ПРЕДИСЛОВИЕ	X
ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ	XII
<i>Эндрю С. Скиннер.</i> Адам Смит	1
<i>Джордж Вудкок.</i> Анархизм	58
<i>Р.Ф. Эбер.</i> Клод Фредерик Бастиа	67
<i>Росс Харрисон.</i> Иеремия Бентам	71
<i>Мансур Олсон.</i> Коллективное действие	82
<i>П.С. Атия.</i> Общее право	94
<i>Джеймс М. Бьюкенен.</i> Конституциональная экономическая теория	105
<i>Алан Пикок.</i> Экономическая свобода	119
<i>Израэль М. Кицнер.</i> Экономическая гармония	127
<i>Стефано Замани.</i> Экономические законы	133
<i>Мюррэй Милгейт.</i> Равновесие: развитие концепции	142
<i>Николас Филлипсон.</i> Адам Фергюсон	154
<i>Питер Маршалл.</i> Уильям Годвин	156
<i>Роджер У. Гарисон и Израэль М. Кицнер.</i> Фридрих Август Хайек	160
<i>К.Б. Макферсон.</i> Томас Гоббс	177
<i>Э. Ротвейн.</i> Давид Юм	181
<i>Эндрю С. Скиннер.</i> Фрэнсис Хатчесон	193
<i>К.Б. Макферсон.</i> Индивидуализм	201
<i>Альберт О. Хиришман.</i> Интересы	210
<i>Карен И. Вон.</i> «Невидимая рука»	226
<i>Дэвид Фридмен.</i> Право и экономическая теория	233
<i>Ральф Дарендорф.</i> Либерализм	248

<i>Алан Райан. Свобода</i>	256
<i>Карен И. Вон. Джон Локк</i>	262
<i>Н. Розенберг. Бернард Мандевилль</i>	267
<i>Алан Райан. Джон Стюарт Милль</i>	271
<i>Николас Филлипсон. Джон Миллар</i>	289
<i>Р.С. Дауни. Моральная философия</i>	291
<i>Н.Э. Симмондс. Естественное право</i>	306
<i>Алан Райан. Собственность</i>	312
<i>Армен Алчиан. Права собственности</i>	319
<i>Джон Робертсон. Шотландское Просвещение</i>	331
<i>Д.Г. Монро. Собственный интерес</i>	339
<i>Я. де В. Граафф. Общественные издержки</i>	348
<i>Ч. Уэлч. Утилитаризм</i>	357
<i>Грегори Клэйс. Утопии</i>	376
ОБ АВТОРАХ	387

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ (ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕРИИ)

Книги этой серии обязаны своим появлением изданию, известному как «Новый Палгрейв: Словарь по экономике». Опубликованный в конце 1980-х годов, «Словарь» быстро стал популярным справочником по экономике. Однако его четыре объемных тома, содержащих более 4 млн слов из всех областей экономической мысли, не очень удобны для ежедневного использования. Для многих студентов и преподавателей они слишком громоздки, обширны и слишком дороги, чтобы стать настольной книгой.

Создавая настоящую серию компактных томов, содержащих перепечатки из исходного издания, мы надеялись, что интеллектуальное богатство «Нового Палгрейва» станет доступным более широкому кругу читателей. Каждый из томов посвящен отдельной области экономики — это эконометрика, общее равновесие или деньги — в объеме, в целом соответствующем университетскому курсу в данной области. За исключением исправленных опечаток и т.п., содержание представленных статей идентично оригиналу. Несколько новых статей было специально написано для этой серии с тем, чтобы либо заполнить очевидные пробелы либо охватить темы, которые стали значимыми со времени подготовки исходного издания.

Поскольку «Новый Палгрейв» — единственный прародитель настоящей серии, видимо, бесполезно пояснить, что он является наследником блестящего «Словаря политической экономии» под редакцией Р.Г. Инглиса, опубликованного в 1894, 1896 и 1899 гг. Второе, несколько измененное издание под редакцией Г. Хиггса появилось во второй половине 1920-х годов. Эти два издания содержали почти 4000 статей, однако многие из них представляли собой лишь краткие определения, а другие были посвящены второстепенным вопросам, например, иностранной монете, морской торговле или шотландскому праву. Для того, чтобы отразить развитие экономической науки за последние 60 лет и при этом оставаться в пределах разумного объема, «Новый Палгрейв» сосредоточился на экономической теории и ее создателях и тесно связанных с нею областях знания. Все его 2000 статей являются самодостаточными, иногда краткими, но никогда не сводятся к простым определениям.

За исключением биографических статей, «Новый Палгрейв» ориентирован прежде всего на теорию, а не на факты, на доктрины, а не на данные; при этом не до конца понятно, каким образом теория или доктрина в отличие от факта или данных должна быть представлена в энциклопедии. Одна из возможностей — рассматривать все с некоторой определенной точки зрения. Вообще говоря, это был путь, реализованный классической «Энциклопедией» Дидро (1751–1772)¹, а также «Новым словарем политической экономии» Леона Сэя (1891–1892). Иногда, как, например, в случае со статьями Кенэ и Тюрго в «Энциклопедии», этот подход приводил к появлению совершенно блестящих работ. Однако слишком часто как круг предметов, которые представлены в издании, так и качество материалов очень заметно уменьшались в силу того, что принятая перспектива рассмотрения сама по себе задает определенные рамки. Так, в статье «Метод» в первом издании «Словаря» Сэя утверждалось, что использование математики в экономике «всегда будет уделом лишь немногих», и в «Словаре» это требование было подтверждено тем, что там не оказалось статьи о Курно.

Другой подход состоит в том, чтобы в каждой статье стремиться отразить многие точки зрения. Это, возможно, поможет студенту, готовящемуся к экзамену. Но когда речь идет о таком предмете, как экономика, олимпийская беспристрастность, которую предполагает этот подход, часто оказывается тяжким бременем для автора, поскольку предполагает скрупулезное изложение учений, которые он в лучшем случае считает не совсем верными. Даже когда исключительно способный автор предлагает вполне разумную обзорную статью, было бы излишним касаться вопроса о том, с одинаковым ли энтузиазмом автор пишет как о теориях, которые он считает ошибочными, так и о тех, которые он считает правильными. Но если автор теорий, которым он не благоволит, излагает без воодушевления, это может привести к тому, что им будет уделено меньше внимания, чем они того заслуживают.

«Новый Палгрейв» не требовал от авторов придерживаться определенной точки зрения, за одним исключением, о котором речь пойдет ниже. Этот словарь также не призывал писать обзоры. Напротив, каждого автора просили ясно выразить собственную позицию в отношении того предмета, который он рассматривает, по возможности быть объективным и точным, но не стремиться быть

¹ Полное название этой работы в русском переводе звучит как «Энциклопедия наук, искусств и ремесел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*). Указанные в оригинале даты ее издания расходятся с общепринятыми (1751–1780). — *Прим. науч. ред.*

совершенно отстраненным. Целью, идеалом всегда был сбалансированный подход для каждой статьи. Но его следует искать не «внутри», в рамках каждой статьи, а «вне», между статьями, и, скорее, читателю, нежели автору, предстоит найти свой собственный баланс между различными точками зрения.

Что касается дискуссионных вопросов, то несколько более или менее синонимических ключевых слов, используемых различными авторами, позволяют отразить разнообразие мнений и помочь читателю сформировать свое собственное представление. И подобное разнообразие, действительно, характерно для большинства томов данной серии.

Но этот подход не свободен от недостатков. Так, неопределенность, всегда присутствующая, когда заказываются статьи, иногда проявлялась в том, что результат, который мы получили, отражал многообразие позиций в меньшей степени, чем мы рассчитывали. «Я духов вызывать из тьмы умею», — говорил Оуэн Глендаур. «И я, как, впрочем, всякий человек./ Все дело в том лишь, явятся ли духи», — отвечал Готспер¹. По нашему опыту, — не так часто, как хотелось бы.

Мы настаивали только на том, чтобы каждый автор «Палгрейва» писал в исторической перспективе. Мы просили, чтобы, излагая предмет, авторы рассматривали не только текущие проблемы, но и то, как шло обсуждение того или иного вопроса в прошлом и каковы перспективы его решения в будущем. Это требование основывалось на убеждении, что знание истории развития любой теории обогащает наше нынешнее ее понимание, и таким образом помогает создавать лучшие теории в будущем. Отклик авторов на это требование в целом был настолько позитивным, что, как читатель любого из томов может заметить, окончательные результаты полностью подтвердили обоснованность нашего убеждения.

*Джон Итуэлл
Мюррей Милгейт
Питер Ньюмен*

¹ Шекспир В. Король Генрих IV. Акт 3. Сцена 1. Пер. с англ. Б. Пастернака // Вильям Шекспир. Комедии, хроники, трагедии: В 2-х т. Т. 1. — Пер. с англ. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. С. 602. — *Прим. науч. ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя Адам Смит использовал ее только дважды, он ввел в язык экономистов метафору, влиятельную, как никакая другая ни до нее или после, — метафору «невидимой руки». В целом смысл, который Смит вкладывал в эту фразу, остается практически тем же и сегодня. Каждого человека, действующего исключительно ради собственного блага, «невидимая рука ведет к результатам, которые не входили в его намерения» (Богатство народов. Кн. IV. Гл. 2), и такими результатами являются «интересы общества».

Идея, которая лежит в основе метафоры «невидимой руки», хотя и не метафора как таковая, принадлежит Бернарду де Мандевиллю и содержится в его «Басне о пчелах» (1714)¹. В политической экономии эта идея и доктрина *laissez-faire* всегда были тесно связаны и переплетены различным образом, пока не получили свое современное выражение — интеллектуально мощное, но идеологически малоинтересное — как взаимосвязь между эффективностью по Парето и конкурентным равновесием. Метафора облекается в одну хорошо запоминающуюся фразу, выражающую уверенность в том, что, как бы индивиды ни воспринимали свое положение, некоторые систематически действующие силы — главным образом силы конкуренции — всегда действуют в экономике, постоянно проявляют себя в самых разных обстоятельствах.

Представители шотландской моральной философии обращались к «невидимой руке», чтобы придать моральную благопристойность капиталистическому конкурентному поведению. Однако значение этой идеи в моральной философии не идет ни в какое сравнение с ее ролью в экономической науке. Нетрудно понять почему. Так как метафора заставляла задуматься о непреднамеренных последствиях действий индивидов, вопрос о нравственных характеристиках последних в мире, где результаты неизбежно отличаются от того, что было запланировано, вряд ли имеет большое значение. Шотландская моральная философия перестала существовать. «Лучшие головы, соединенные с лучшими сердцами» — если обратиться к характеристике благоразумного поведения у Смита, к которой обращались шотландские философы, уступили место «расчетчикам»-

утилитаристам или нравственным агентам Канта. Но шотландская экономическая наука, напротив, процветала.

Идея непреднамеренных последствий не была исключительно шотландским изобретением. Она была характерна и для французских физиократов, которые говорили о социальных и экономических результатах как о подчиненных силам, «независимым от воли человека». Отсюда возникло то, что может на первый взгляд показаться парадоксальным, а именно что в экономическом анализе «невидимая рука» действовала так, что важное место заняли как организации, так и структуры. И на самом деле, можно сказать, что структуралисты всех мастей задачу своей дисциплины видят в том, чтобы сделать видимой эту «невидимую руку».

Статьи в этом томе посвящены некоторым темам и вопросам в экономической теории, на которых лежит печать «невидимой руки». Статьи не дают исчерпывающего анализа всего того, на что она повлияла, однако им удалось отразить разнообразие и глубину этого влияния.

Редакторы

¹ Анонимно изданный в 1705 г. в Лондоне памфлет «Ропщущий улей, или Плуты становятся добродетельными», в 1714 г. был переиздан под названием «Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды». — *Прим. науч. ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

В экономической науке трудно найти фразу, столь же популярную, как знаменитая метафора Адама Смита, метафора, за которой скрывается или в которой выражается целая экономическая (или просто) философия, имеющая сторонников и сегодня. Вполне закономерен выбор для русского издания тома с подобным названием из серии сборников статей, выпущенных на базе авторитетной экономической энциклопедии *Palgrave*. Если и можно задать вопрос в связи с решением издать этот сборник на русском языке, то только, почему это не было сделано раньше.

В данном издании представлено все из опубликованного в этой энциклопедии, что может быть в той или иной степени связано со знаменитой метафорой Смита. В него вошли и статьи, посвященные отдельным авторам, которые занимались вопросами, так или иначе соприкасавшимися с областью интересов Адама Смита. Поскольку метафора связана с представлениями, не вписывающимися в область, которую сегодня принято относить к экономике, закономерно, что биографические статьи посвящены философам, политическим и общественным деятелям. И даже в тех случаях, тогда мы видим имя экономиста, этот экономист непременно еще и философ. Аналогичная ситуация и с предметными статьями. Индивидуализм, собственность, утопия или естественный закон — понятия отнюдь не экономические. Все это свидетельствует как о многогранности самой метафоры, так и о ее значении в более чем двухвековой интеллектуальной истории. Не случайно среди авторов статей мы встречаем фамилии ученых, чей вклад в ту или иную область получил мировое признание. Достаточно назвать Мансура Олсона, Израэля Кирцнера или Джеймса Бьюкенена.

Замысел перевода «Невидимой руки» возник так давно, что уже невозможно восстановить его истоки и путь претворения в жизнь. Во всяком случае, к этому были причастны: издательство ИНФРА-М, Издательский дом ГУ ВШЭ, энтузиасты из ГУ ВШЭ. Притом что большая часть текста была переведена Ю.В. Автономовым, первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 2002 г. группой студентов (их фамилии приведены в списке переводчиков) в рамках семинара по курсу истории экономических учений на экономическом факультете ГУ ВШЭ. Этот опыт оказал-

ся весьма необычным и, хочется надеяться, полезным. Студентам пришлось работать с современными текстами по истории экономической мысли и порой ради уточнения терминов, лучшего понимания контекста, а также просто из любознательности, обращаться к оригинальным работам и таким образом касаться богатейшего пласта знания, сегодня не очень востребованного экономистами.

В русском издании сохранена последовательность статей, которая в оригинале соответствует алфавитному порядку по их названиям. При переводе мы старались использовать термины в уже имеющемся на русском языке варианте. Это же относится к именам, фамилиям, географическим названиям и т.д. В библиографии наряду с источниками, указанными авторами, даны имеющиеся русские переводы, причем приоритет в основном отдавался последним по времени. Цитаты также даны по русским изданиям.

Том открывается самой большой статьей данного издания, которая, естественно, посвящена Адаму Смигу. И сразу же необходимо отметить следующее прежде всего о переводе термина «*value*». В современных российских изданиях уже наметилась тенденция переводить его как «ценность», что в большей степени соответствует смыслу. Именно так переведен этот термин в большинстве статей. Однако поскольку в существующем русском переводе «Богатства народов» и ряде других классических произведений он переведен как «стоимость», в тех статьях, где в тексте много цитат, чтобы избежать недоразумений этот термин переведен как «стоимость».

Что касается оформления ссылок на произведения А. Смита, то в оригинале посвященной ему статьи при цитировании указываются: сокращенно название работы, том (книга), раздел (часть), глава, отдел, параграф и абзац. Но так как в имеющихся русских переводах нумерация абзацев не всегда соответствует оригиналу, вместо номера абзаца приводится страница соответствующего русского издания. Этот способ отсылки применяется и в других статьях и сохраняется при цитировании некоторых других классиков, например, А. Маршалла, Дж.С. Милля.

Н.А. Макашева

АДАМ СМИТ

Эндрю С. Скиннер

Adam Smith

Andrew S. Skinner

Адам Смит (1723–1790) родился в Кирколди, на восточном побережье Шотландии, и был крещен 5 июня 1723 г. Он был сыном Адама Смита, секретаря военного трибунала и инспектора городской таможни (который умер до рождения сына) и Маргарет Дуглас из Стрэтхендри.

Смит посещал среднюю школу в Кирколди, а затем поступил в университет г. Глазго, куда был зачислен в возрасте 14 лет, что в те времена не было редкостью. В то время университет, а точнее колледж, был невелик. В нем работали только 12 профессоров, которые к 1727 г. фактически вытеснили менее специализированных регентов. Из профессоров наибольшее влияние на Смита оказал «незабвенный» Фрэнсис Хатчесон (Correspondence, letter 274 dated 16 November 1787). Хатчесон сменил на кафедре моральной философии Гершома Кармайкла, знаменитого редактора *De Officio Hominis et Civis* Пуфендорфа¹.

Смит оставил Глазго в 1740 г., получив стипендию Снелла² на шесть лет в Баллиол колледже в Оксфорде. В то время атмосфера в колледже была якобитской и «антишотландской». Смит жаловался: «В Оксфордском университете большая часть профессоров в течение уже многих лет совсем отказались даже от видимости преподавания» (БН. Кн. V. Гл. 1. Отд. 3. С. 706). Но были и преимущества, в частности легкий доступ к прекрасным библиотекам, позволивший Смицу приобрести обширные познания в английской и французской литературе, которые впоследствии оказались бесценными.

Покинув Оксфорд в 1746 г., Смит вернулся в Кирколди, не имея определенных планов. Но в 1748 г. его пригласили прочесть серию

¹ В русском переводе: «О должности человека и гражданина» (СПб., 1726).

² Виллерброд С. Снелл (1580–1626), физик и естествоиспытатель. — *Прим. науч. ред.*

публичных лекций в Эдинбурге. В этом ему оказали поддержку три человека — генеральный прокурор по делам Шотландии Генри Хоум, лорд Кеймс и друг детства — Джеймс Освальд из Данникира.

Лекции, которые, как думают, были связаны прежде всего с риторикой и литературой, приносили Смиту 100 фунтов стерлингов в год (Correspondence, letter 25 dated 8 June 1758). Представляется, что они также охватывали широкий круг вопросов.

Репутация Смита как лектора принесла свои плоды. В 1751 г. он был избран профессором логики в университете Глазго, вновь при поддержке лорда Кеймса. Согласно Джону Миллару, наиболее выдающемуся ученику Смита, последний посвящал большую часть своего времени разработке системы риторики и художественной литературы, что основывалось на его убеждении, что

«наиболее полезная часть метафизики, объясняющая и демонстрирующая возможности человеческого разума, проистекает из исследования различных способов передачи наших мыслей речью, и обращения к структуре литературных сочинений, которые способны убеждать или развлекать» (Stewart, I. 16)¹.

Смит продолжал читать большую часть своих лекций по логике и после того, как в 1752 г. он был переведен на кафедру моральной философии. Заметки к лекциям, которые Дж. М. Лотиан обнаружил в 1958 г., относятся к 1762/1763 учебному году. Они вполне соответствуют тому описанию курса, которое дал Миллар десятью годами ранее; в них говорится о проблемах развития языка, стиля и организации дискурса, включая его риторическую, повествовательную и дидактическую составляющие. Сми́та прежде всего интересовали человеческая природа, средства и формы коммуникации. Он, несомненно, продолжал читать студентам, изучающим моральную философию, лекции на эти темы, поскольку считал их важными (см. Howell, 1975).

Смитовы лекции о языке были опубликованы в расширенном виде как *Соображения о первичном возникновении языков* в «Философском альманахе» за 1761 г. Они были перепечатаны в третьем издании *Теории нравственных чувств* в 1767 г.

Курс Смита в качестве профессора моральной философии распался на четыре части, которые стали основой для его будущих печатных работ. Опять же от Джона Миллара известно, что Смит читал лекции по естественной теологии, этике, юриспруденции и «целесообразности», или экономике, именно в такой последовательности. Его лекции по естественной теологии (которая в то

¹ Пояснения к ссылкам даны в конце статьи. — *Прим. науч. ред.*

время была важным предметом) до сих пор не найдены. Но Миллар определенно утверждает, что лекции по этике составляют основу *Теории нравственных чувств* и что темы, освещавшиеся в последней части курса, впоследствии получили свое развитие в *Богатстве народов* (Stewart, I. 20). Что касается третьей части курса, юриспруденции, Миллар замечает, что

«излагая этот предмет, он следовал плану, который, как кажется, был предложен Монтеスキе; стремясь проследить постепенное развитие права, как публичного, так и частного, от самых темных до наиболее просвещенных времен, и указать влияние гуманитарных наук, которые способствовали улучшению существования и накоплению собственности, вызывал улучшения или изменения в законах и форме правления» (Stewart, I. 19).

Проиллюстрировать и подтвердить это утверждение оказалось невозможно вплоть до 1896 г., когда Эдвин Кэннан опубликовал *Лекции по юриспруденции*. Заметки, отредактированные Кэннаном, датированы 1766 г., хотя они были сделаны в 1763/1764 году. Это был последний год преподавания Смита в Глазго, так что эти лекции, в которых «публичное» (в общих чертах, конституционное) право предшествует «частной» юриспруденции (касающейся прав человека как гражданина), *возможно*, отражали предпочтения самого автора. Другой набор заметок, на этот раз относящихся к предыдущему учебному году, был найден Дж. М. Лотианом в 1958 г., мы будем обозначать его LJ (A).

Для академической карьеры Смита важнейшим событием была публикация в 1759 г. *Теории нравственных чувств* (ТНЧ). Книга была хорошо принята как широкой публикой, так и друзьями автора. В своем любезном письме Юм напомнил Сми́ту об эфемерности славы и людской похвалы, и, побуждая его быть философом как по профессии, так и на практике, продолжал:

«Следовательно, полагая, что этими размышлениями вы уже подготовили себя к худшему; я хочу сообщить вам печальную новость, что ваша книга оказалась крайне неудачной, ибо публика в высшей степени расположена рукоплескать ей» (Correspondence, letter 31, dated 12 April 1759).

Эта книга укрепила репутацию Смита. Ее второе, исправленное издание вышло в 1761 г., а последующие — в 1767, 1774, 1781 и 1790 гг.

Чарлз Тауншенд был одним из тех, кому Юм послал копию трактата Смита. В 1755 г. Тауншенд женился на вдовствующей графине Далкейт и, будучи весьма впечатлен работой Смита, устроил ему

приглашение на должность наставника ее сына, молодого герцога Баклю. Должность обеспечивала Смицу финансовое благополучие (300 фунтов стерлингов в год пожизненно), он принял ее в начале 1764 г. и покинул кафедру.

Смит и его воспитанник практически немедленно отправились во Францию, где пробыли около двух лет. Начало поездки было не очень удачным, по поводу чего Смит с юмором писал Юму: «Я начал писать книгу, чтобы как-нибудь скоротать время. Можете поверить, что обязанностей у меня очень мало» (Correspondence, letter 82, dated 5 July 1764, Toulouse).

Но ситуация улучшилась, когда Смит освоился с языком и предпринял несколько успешных коротких поездок. В 1765 г. Смит, герцог и младший брат герцога Хью Скотт приехали в Женеву, что дало Смицу возможность встретиться с Вольтером, которым он искренне восхищался, называя «возможно, наиболее универсальным гением из когда-либо рожденных Францией» (Letter 17). В середине февраля 1766 г. путешественники прибыли в Париж, где усилия Давида Юма и слава Смита открыли последнему двери самых известных салонов, где он был, в свою очередь, представлен таким философам, как д'Аламбер, Гольбах и Гельвеций.

В этот период Смит встретился с Франсуа Кенэ, основавшим совместно с маркизом де Мирабо школу физиократов в политической экономии (Meek, 1962). К тому времени как Смит встретил Кенэ, принадлежащая последнему модель экономической системы, представленная в *Экономической таблице*¹ ([1757], перевод см. в Meek, 1962), уже несколько раз публиковалась. Кенэ тогда работал над своим *Анализом* (перевод см. в Meek, 1962), известно также, что А.Р.Ж. Тюрго писал свои *Размышления о создании и распределении богатства* (перевод см. в Meek, 1973).

Смит, который уже приобрел интерес к политической экономии, прибыл в Париж как раз в то время, когда французская школа достигла своего расцвета. Содержание библиотеки Смита свидетельствует о его интересе к этой области (Mizuta, 1967).

Пребывание Смита в Париже было приятным как со светской, так и с академической точек зрения. Но оно было омрачено разгорающейся ссорой между Юмом и Руссо и было прервано в связи с печальным событием — смертью Хью Скотта. Смит вернулся в Лондон 1 ноября 1766 г.

¹ См.: Тюрго А. Избранные экономические произведения. М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1961. С. 44–158. — *Прим. науч. ред.*

Он провел зиму в Лондоне, где, консультируясь с Тауншендом, приступил к подготовке третьего издания *Теории нравственных чувств*. К весне 1767 г. (года, когда сэр Джеймс Стюарт опубликовал свои *Принципы политической экономии*) Смит вернулся в Кирколди и начал исследование, продлившееся около шести лет. Именно в этот период он трудился над *Богатством народов* (БН). Содержание его переписки в то время свидетельствует о том напряжении, с которым велась эта работа. Но к 1773 г. Смит был готов вернуться в Лондон, создав впечатление у своих друзей и, в частности, Давида Юма, что работа близится к завершению. Как оказалось, Смицу потребовалось еще почти три года, чтобы закончить книгу; задержка отчасти могла быть обусловлена его возрастающей озабоченностью войной Америки за независимость и более общей проблемой взаимоотношений колоний с «материнской державой» (БН. Кн. IV. Гл. 7)¹.

Исследование о природе и причинах богатства народов было напечатано Стрэйханом и Кэделлом 9 марта 1776 г. и вновь Юм тепло откликнулся на работу Смита:

«Дорогой мистер Смит, я очень доволен вашей работой, и ее внимательное прочтение избавило меня от состояния большой озабоченности. Этот труд был связан со столь большими ожиданиями с вашей стороны, со стороны ваших друзей и широкой публики, что я с трепетом ждал его появления; но теперь я чувствую большое облегчение. И только потому, что чтение его требует очень большого внимания, а публика готова уделить лишь очень малое, я продолжу некоторое время сомневаться в том, что он сразу же обретет большую популярность» (Correspondence, letter 150, dated 1 April 1776).

Книга действительно продавалась хорошо и была переиздана в 1778, 1784, 1786 и 1789 гг.

1776 г. для Смита был омрачен смертью после долгой болезни Давида Юма и озабоченностью по поводу будущего *Диалогов о естественной религии* последнего. Эта работа вместе с автобиографией Юма *Моя жизнь* была передана в распоряжение Уильяма Стрэйхана, в письме к которому Смит выражал надежду, что *Диалоги* останутся неопубликованными, хотя сам Юм решил иначе.

Но Смит предложил «добавить к описанию его жизни весьма показательное свидетельство огромного мужества Юма во время его последней болезни» (Correspondence, letter 172, dated 5 Sept.

¹ Здесь и далее ссылки на русское издание «Богатства народов» даются по: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. — *Прим. науч. ред.*

1776). Письмо было опубликовано в 1777 г., и, как Смит позже писал Андреасу Хольту, «навлекло на меня в десять раз больше поношений, чем моя яростная атака на всю систему торговли и промышленности в Великобритании» (Correspondence, letter 208, dated October 1780).

В 1778 г. Смит, отчасти благодаря усилиям герцога Баклю, был назначен таможенным инспектором. Эта должность принесла еще 600 фунтов стерлингов в год в дополнение к пенсии в 300 фунтов, прекращать выплату которой герцог отказался (Correspondence, letter 208). Смит обосновался в Эдинбурге, где к нему присоединились мать и двоюродная сестра Дженет Дуглас.

На протяжении 1778 г. Александр Уэддерберн спрашивал Смита о будущем положении дел в Америке. «Соображения о состоянии противоборства с Америкой» были написаны Смитом после битвы при Саратоге. Меморандум был впервые напечатан Дж. Г. Гаттриджем в *American Historical Review* (vol. 38, 1932/1933).

В этом документе Смит повторил ряд аргументов, уже сформулированных в *БН* (Кн. IV. Гл. 7). Он выступал за распространение британских налогов на Ирландию и Америку при условии, что представители обеих стран будут допущены в парламент в Вестминстере в соответствии с принятой конституционной практикой. Смит отмечал, что «без объединения с Великобританией жители Ирландии еще в течение многих веков вряд ли смогут считать себя единым народом» (*БН*. Кн. V. Гл. 3. С. 873). Что касается Америки, то он замечал, что ее прогресс был настолько быстрым, что «за срок немногим больше, чем через 100 лет, пожалуй, налоговые поступления Америки могут превзойти налоги Великобритании, и центр империи тогда, естественно, передвинется в ту ее часть, которая дает больше всего для общей защиты и содержания органов государства» (*БН*. Кн. IV. Гл. 7. С. 593).

Но Смит также повторил мысль, уже высказанную в *БН*, а именно, что возможность для создания союза была упущена, и перешел к рассмотрению безрадостных вариантов действий, которые были реально доступны для Британского правительства и которые очень хорошо знакомы нам сейчас. Военная победа становилась все менее вероятной, а военная администрация, даже в случае победы, неработоспособна (Correspondence, letter 383). Добровольный выход из конфликта был рациональной, но политически нереальной стратегией, учитывая его вероятное влияние на общественное мнение внутри страны и в мире (*Ibid.*). Наиболее вероятным исходом, по мнению Смита, были потеря тринадцати объединенных колоний и успешное сохранение Канады. Этот исход был одновременно и

наихудшим, поскольку он был самым дорогим с точки зрения расходов на оборону (Correspondence, letter 385).

Смит много работал в качестве инспектора, что, по его признанию, сказалось на литературных занятиях (Correspondence, letter 208). Но в этот период он подготовил третье издание *БН* (1784), включавшее важные дополнения, опубликованные отдельно как «Дополнения и исправления». Третье издание также содержало алфавитный указатель и длинную завершающую главу к книге IV, имеющую название «Заключение о меркантилистической системе».

После 1784 г. Смит больше всего внимания уделял переработке *ТНЧ*. Шестое издание, вышедшее в 1790 г., включало совершенно новую VI главу, которая содержала дальнейшие рассуждения о роли совести и наиболее полное изложение сложной *социальной* психологии, лежащей в основе широко понимаемых экономических устремлений человека.

В дополнение к статье «Изобразительные искусства», упоминающейся в письме к Андреасу Хольту (Correspondence, letter 208), Смит в письме, адресованном герцогу де Ларошфуко, замечал, что «на моей наковальне также лежат две другие великие работы; одна из них — нечто вроде философской истории всех различных ветвей литературы, философии, поэзии и ораторского искусства; другая — теории и истории права и государственного управления» (Correspondence, letter 248, dated 1 Nov. 1785).

Литературные амбиции Смита отражены также в анонсе к изданию *ТНЧ* 1790 г., в котором он привлекал внимание к заключительным предложениям ее первого издания, вышедшего в 1759 г. В этих пассажах Смит объясняет, что *ТНЧ* и *БН* — это части единого плана, который он надеялся завершить публикацией анализа «общих принципов права и государственного управления, и радикальных изменений, которые они претерпели в разные периоды жизни общества». «Текущие занятия» и «преклонный возраст» Смита помешали ему завершить этот великий труд, хотя о подходе к нему можно судить по двум первым частям *Лекций по юриспруденции*, а также по тем отрывкам из *БН*, которые, как можно понять теперь, на них обосновываются (особенно *БН*. Кн. III и V).

Смит умер 17 июля 1790 г., перед тем попросив своих душеприказчиков — Джозефа Блэка и Джеймса Хаттона сжечь его бумаги, за исключением тех, которые были опубликованы в *Очерках на философские темы* (1795).

Далее в этой статье мы дадим детальное изложение системы Смита в том порядке, в котором он сам излагал ее в своих лекциях,

а именно: этика, юриспруденция, экономика. Каждую из этих отдельных областей можно представить как самостоятельную высокоорганизованную систему; при этом все они взаимозависимы, составляют части единого и грандиозного целого.

ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ

Теория нравственных чувств обнаруживает явные следы модели и способы аргументации, разработанные отчасти для того, чтобы объяснить, каким образом столь эгоистичному существу, как человек, удастся выстроить барьеры на пути своих собственных страстей.

В части VII *ТНЧ* Смит дает обзор различных подходов к решению вопросов, стоящих перед философом в этой области, — фактически для того, чтобы выделить свой собственный вклад.

По мнению Смита, было необходимо дать ответы на два основных вопроса: первый «состоит в том, чтобы узнать, что такое добродетель»; второй — в том, «каким образом и какими путями случается, что душа отдает предпочтение тому или другому поведению» (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 2)¹. Решая первый вопрос, Смит описал все классические и современные теории добродетели и уделял внимание прежде всего таким чувствам, как приличие, благоразумие и благожелательность. Рассматривая каждую из теорий, Смит признавал, что конкретное чувство охарактеризовано верно, однако отвергал подход, делающий упор на одном из них. Он критиковал тех, кто находил добродетель в приличии, на том основании, что этот подход подчеркивал важность самоконтроля в ущерб другим, более «мягким» добродетелям, таким как способность сопереживать. Точку зрения, что добродетель состоит в благоразумии, Смит отвергал в силу того, что в этом случае чрезмерный акцент делается на полезных качествах (сходные соображения содержатся в его критике Давида Юма в *ТНЧ*. Ч. IV). Аналогично, восторгаясь благожелательностью, Смит критиковал сторонников этого подхода (в частности, Фрэнсиса Хатчесона) за то, что они оставили без внимания такую добродетель, как благоразумие.

Критика Смитом учения Хатчесона примечательна тем вниманием, которое Смит уделяет эгоизму, и отрицанием тезиса Хатчесона о том, что «себялюбие не может быть добродетелью, в какой бы степени оно ни проявилось и какое бы направление ни придавало оно нашим поступкам» (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 3. С. 292–293).

¹ Здесь и далее ссылки на русское издание «Теории нравственных чувств» даются по: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.

Смит также отвергал точку зрения Мандевилля, который считал заблуждением утверждение последнего, что все страсти порочны, каковы бы ни были их сила и направление (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 4. С. 302). Смит утверждал, что «положение человека было бы слишком грустным, если бы чувствования, которые по природе своей должны руководить его поступками, ни в каком случае не могли бы быть добродетельными и достойными уважения» (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 3. С. 294).

Следующий примечательный элемент применяемого Смитом подхода проявляется в его трактовке второго вопроса (каким образом человек решает, как ему поступать). Он соглашался с тезисом Хатчесона о том, что восприятие правильного и неправильного основывается не на разуме, а на «непосредственном чувстве» (*ТНЧ*. Ч. VII. Гл. 3. С. 309). Но Смит не согласен с утверждением Хатчесона о существовании особого нравственного чувства, аналогичного «внешним» чувствам, таким как зрение или осязание. Поступая таким образом, он, по существу, присоединился к мнению своего учителя, представлявшего моральные суждения бескорыстными и основанными на симпатии или чувстве товарищества. Смит также детализировал роль *наблюдателя*, присутствовавшего в работах Хатчесона и Юма.

Смит утверждал, что наблюдатель может формировать суждения о поступках другого человека, мысленно представляя, как он повел бы себя или какие чувства испытывал бы в похожих обстоятельствах. Именно эта способность к воображаемой симпатии позволяет наблюдателю судить о пристойности или непристойности наблюдаемых поступков и о «согласии или несогласии между нашими стремлениями и вызывающей их причиной (или предметом)» (*ТНЧ*. Ч. I. Отд. 1. Гл. 3. С. 40).

Поскольку мы можем «войти в положение» другого человека только в ограниченной степени, Смит связал «дружественную» добродетель восприимчивости со способностью к воображению, а самоконтроль — с умением контролировать чувства или их проявления так, чтобы позволить наблюдателю понять их, и, таким образом, относиться к ним с «симпатией».

Развивая эту мысль в отношении поступков, имеющих последствия для других людей, Смит предположил, что в этом случае наблюдатель может попытаться сформировать суждение о правомерности как *поступка*, так и *реакции* на него. Чувство одобрения «представляется сложным чувством, состоящим из двух отдельных ощущений, а именно прямой симпатии к чувствам человека, делающего благодеяние, и косвенной симпатии к благодарности че-

ловека, которому делается благодеяние» (ТНЧ. С. 90). И наоборот, наше неодобрение рождается вследствие «антипатии к чувствам, побуждениям человека» и «косвенной симпатии к негодованию того, на ком отражаются эти поступки» (ТНЧ. Ч. II. Отд. 1. Гл. 5. С. 91).

Далее, Смит утверждал, что «природа, создавая человека для жизни в обществе, одарила его желанием нравиться ближним и опасением обидеть их» (ТНЧ. Ч. III. Гл. 2. С. 127).

Но этой общей предрасположенности человека самой по себе недостаточно для адекватного контроля за своим поведением. Первой проблемой, с которой столкнулся Смит, была проблема *информированности*, возникающая в силу того, что реальному наблюдателю поступка другого человека вряд ли будут известны *мотивы* (побуждения) последнего.

Смит разрешил эту проблему, постулировав, что мы обычно судим о собственном поведении, пытаясь представить реакцию воображаемого, или «идеального», наблюдателя, полностью информированного о наших мотивах. В последующих изданиях «Теории нравственных чувств» Смит уделял все больше и больше внимания роли идеального наблюдателя как важного источника нравственного контроля — голосу разума, принципа, совести великого судьи и арбитра наших поступков (ТНЧ. Ч. III. Гл. 3. С. 142). С этой точки зрения, аргументация основывается на желании человека не просто снискать похвалу, но и быть достойным похвалы (ТНЧ. Ч. III. Гл. 2. С. 137).

Вторая проблема возникает из того, что Смит, вслед за Юмом, представляет человека активным, эгоистичным существом, чьи законные устремления и амбиции, в частности, стремление к богатству, могут в некоторых случаях иметь пагубные последствия для других. Связанное с этим затруднение состоит в *пристрастности* оценки, которая присутствует даже тогда, когда мы обладаем всей необходимой информацией для вынесения точных суждений. Когда мы готовимся действовать, «то сила страсти редко позволит нам оценить предстоящий поступок с беспристрастностью постороннего человека», а после того как поступок совершен, мы зачастую «отводим свои глаза от обстоятельств, которые дали нам повод составить о себе неприятное мнение» (ТНЧ. Ч. III. Гл. 4. С. 160). Решение этой конкретной проблемы Смит находит в человеческой способности делать обобщения на основе конкретного опыта:

«Вот таким образом установились общие правила нравственности. В основание их легло то, что постоянно одобрялось или порицалось

в целом ряде частных случаев способностями нашего рассудка, «нашим естественным чувством добра и зла...» Общие правила... устанавливаются на основании опыта о том, что известного рода поступки, обусловленные известными обстоятельствами, вообще встречают одобрение или порицание» (ТНЧ. Ч. III. Гл. 4. С. 161).

Именно эти правила определяют некий эталон, обращаясь к которому человек судит о своих поступках во всех возможных обстоятельствах; правила, которые соблюдаются людьми благодаря желанию быть достойными похвалы и дополнительно поддерживаются страхом перед Богом.

Таким образом, Смит предложил объяснение того, каким образом люди приспособлены к жизни в обществе. Он утверждал фактически, что они обычно воздвигают ряд барьеров на пути проявления их собственных (эгоистических) страстей, и это выражается, в конце концов, в появлении общепринятых правил поведения.

Характер этих правил различен. Те из них, что касаются справедливости, «можно было бы уподобить правилам грамматики; требования прочих добродетелей — правилам, установленным критиками для оценки изящества и совершенства сочинения. Первые точны, полны, необходимы, вторые смутны, неопределенны и неизвестны» (ТНЧ. Ч. III. Гл. 6. С. 177).

Но Смит не сомневался, что правила справедливости не допускают исключений. Справедливость представляет собой «главную основу общественного устройства» (ТНЧ. Ч. II. Отд. 2. Гл. 3. С. 101). Смит добавлял, что последней предпосылкой общественного порядка являлась система положительного права, в которой воплотились существующие представления о правилах справедливости и которая применяется судебной системой:

«Так как люди ни в коем случае не согласятся переносить друг от друга несправедливость, то общественные суды вынуждены прибегать к власти, переданной им правительством, чтобы поддерживать справедливость. В противном случае общество было бы ареной убийств и беспорядков, и каждый человек прибежал бы к личной мести за нанесенные ему, по его мнению, обиды» (ТНЧ. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 4. С. 328).

Этические аргументы Смита являются составной частью его толкования юриспруденции именно потому, что показывают, как возникают те или иные правила поведения. В *Лекциях по юриспруденции* предмет рассмотрения уже, чем в *ТНЧ*, но независимо от того, обсуждает ли Смит принятые законы или принципы наказания, главную роль играет внешний наблюдатель. Помимо него,

внимание также уделялось мировому судье (Bagolini, 1975) и законодателю (Naakonssen, 1981).

Интересна расстановка акцентов, которые Смит делает в *ТНЧ*. Он решил сконцентрироваться на тех средствах, с помощью которых разум формирует суждения о том, что является правильным и подобающим, а чего следует избегать, но воздерживается от попытки сформулировать конкретные правила поведения. Смит осознал, что в то время как *процессы* формирования суждений могут быть универсальными, *конкретные* суждения должны быть связаны с опытом.

Никто из живших во времена Монтескье не мог не знать, что в одно и то же время в различных обществах существуют различные общепринятые нормы поведения, так же как и в одних и тех же обществах в разные моменты времени. Представляется, что суть проблемы верно обозначил Эдмунд Бёрк в письме к Смицу: «Теория, подобная вашей, основанная на Природе человека, всегда неизменна, в то время как то, на чем основано его мнение, постоянно изменяется, будет и должно быть забыто» (Correspondence, letter 38, dated 10 Sept. 1759).

Но Смит не отрицал того, что общее может быть найдено на основе опыта. Хотя он не закончил запланированное обсуждение общих принципов (*ТНЧ*. Ч. VII. Отд. 4), он высказал соображения, позволяющие связать частное и публичное право с четырьмя типами социоэкономической *среды* — стадиями охоты, скотоводства (пастушество), земледелия и торговли. Это было важно, поскольку речь шла в определенной степени об объяснении происхождения государства, т.е. о решении проблемы, которая была лишь намечена в *ТНЧ*. Одновременно был пролит свет на причины изменений в общепринятых правилах поведения. В частности, Смит предложил интересную трактовку возникновения стадии торговли, которая прежде всего интересовала его, как экономиста.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Первый этап развития общества, в трактовке Смита, был «самым низменным и грубым», подобным тому, «что мы видим у туземных племен Северной Америки» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 651). На этом этапе жизнь общества поддерживается сбором плодов земли, охотой и рыболовством. В результате, как предполагал Смит, такие сообщества должны были быть небольшими и отличаться высокой степенью личной свободы. Он также полагал, что споры между

членами сообщества в отсутствие частной собственности были нечастыми и незначительными и что в такой ситуации редко существует специально учрежденный судья или какое-либо регулярное отправление правосудия.

Второй — скотоводческий этап — представлялся как «более развитое состояние общества, как, например, у татар и арабов» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 651). Доминирующим видом экономической активности здесь является скотоводство, и это указывает на то, что соответствующие сообщества будут более многочисленными и будут иметь кочевую природу. Но основной чертой этого этапа развития он считал появление собственности, которая могла накапливаться и передаваться от поколения к поколению. Именно собственность «с необходимостью требует установления гражданского правительства» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 666). В другом отрывке он замечал, что «гражданское управление, поскольку оно учреждено для защиты собственности, на самом деле учреждено для защиты богатых от бедных» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 669). Еще в одном месте, где Смит связывал возникновение государства со скотоводческой стадией общественного развития, он обращал внимание на то, что «законы и правительство могут в этом, да и в любом, случае трактоваться как объединение богатых для притеснения бедных» (LJ(A). P. 22–23).

В то же время Смит отмечал, что преобладающая на этом этапе развития общества форма экономической организации должна вести к высокой степени зависимости одних членов общества от других, поскольку люди, которым не принадлежат средства к существованию, не имеют возможности приобрести таковые иначе как посредством личного услужения:

«Второй — пастушеский — период развития общества допускает очень большое неравенство состояний, и нет другого периода, в котором богатство давало бы большую власть тому, кто владеет им. Поэтому нет периода, в котором власть и подчинение были бы так полно установлены, как в этом» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 668).

Фактически Смит использовал сведения о жизни *современных* арабов, татар и североамериканских индейцев, чтобы проиллюстрировать этапы социально-экономического развития, через которые, возможно, проходили нации, населившие территорию Западной Римской империи. В этом, и только в этом, смысле термин «гипотетическая история» верно отражает (Stewart, II.48) цель его исследования.

Германцы и скифы уже достигли того, что на самом деле является более развитой формой второго этапа общественного развития,

они имели некоторое представление о сельском хозяйстве и праве собственности на *землю*. Смит утверждал, что в новой ситуации эти нации естественным образом использовали бы свои существующие институты, и первым, что они предприняли бы, стал бы раздел завоеванных территорий (БН. Кн. III. Гл. 2. С. 385). Таким образом, Смит наметил переход от второй стадии общественного развития к третьей, сельскохозяйственной. На этой стадии право собственности на землю является источником власти и отличия, хотя общий характер субординации остается неизменным.

Но наибольшее внимание Смит сосредоточивал на такой особенности новой стадии развития, как *политическая* нестабильность: «В те смутные времена каждый крупный землевладелец был своего рода небольшим государем. Держатели его земли были вместе с тем и его подданными. Он был их судьей, и в некоторых отношениях был для них законодателем в мирное время, и вождем — во время войны» (БН. Кн. III. Гл. 2. С. 386). Первым историческим ответом на эту ситуацию было возникновение феодальной системы, которая, согласно Смицу, содержит целый набор соглашений о взаимных услугах и защите. Но даже здесь власть все еще «оставалась слишком слабой наверху и слишком сильной внизу, чрезмерная сила низших членов явилась причиной слабости головы» (БН. Кн. III. Гл. 5. С. 409).

Второй и наиболее важный ответ выражается той поддержкой, которую монархи оказывали городам, — отчасти для того, чтобы позволить их жителям защитить себя, но в основном для того, чтобы сформировать новый тактический альянс, который мог бы противостоять силе аристократии. Города возникли как «разновидность независимых республик» с важными полномочиями самоуправления, которые принесли «с собой свободу и безопасность индивидов» (БН. Кн. III. Гл. 3).

Учреждение самоуправяемого города должно было создать важное условие для экономического роста (как это произошло в Древней Греции), особенно когда ему сопутствовал легкий доступ к морю. Экономический рост основывался на внешней торговле, и Смит пытался выявить общую картину, опираясь на конкретные примеры Венеции, Генуи и Пизы. Эта картина предполагала вначале импорт иностранных товаров в обмен на небольшие излишки производимого сырья и, наконец, развитие отечественной мануфактуры на базе импортированного сырья, а затем — процесс усовершенствования «сырых и грубых» отечественных продуктов. Подобное развитие, по Смицу, позволяло городу «становиться богатым и могущественным, в то время как не только окружающая

его местность, но и страны, с которыми он вел торговлю, оставались бедными и разоренными» (БН. Кн. III. Гл. 3. С. 402).

Но в следующей части своего анализа Смит обозначил, каким образом инициированный городом экономический рост сказался на аграрном секторе. Он писал, что «экономика, основанная на мануфактуре и торговле, неизбежно предоставляла крупным землевладельцам возможность истратить имеющиеся излишки, тем самым подхлестывая к максимизации последних. Это привело к постепенному отказу от слуг и запустило процесс изменения механизма аренды; процесс, в ходе которого люди отошли от использования рабского труда в пользу издольщины, и появились собственно фермеры, возделывавшие землю с помощью собственного капитала, уплачивая определенную ренту землевладельцу» (БН. Кн. III. Гл. 2. С. 392).

В результате этих двух тенденций крупные землевладельцы постепенно утрачивали свою власть, пока не сложилась ситуация, когда «они стали столь же незначительны, как любой зажиточный горожанин или городской торговец» (БН. Кн. III. Гл. 4. С. 412). Смит смог сделать следующий вывод:

торговля и мануфактура «постепенно приводили к установлению порядка и нормального государственного управления, а вместе с ними к обеспечению личной свободы и безопасности личности в сельских местностях, жители которых долгое время жили почти в постоянном состоянии войны со своими соседями и в рабской зависимости от выше их стоящих. И хотя это меньше всего замечалось, все же было важнейшим из всех последствий развития торговли и промышленности. Юм, насколько мне известно, является единственным автором, который до сих пор обратил внимание на это обстоятельство» (БН. Кн. III. Гл. 4. С. 406).

В целом это рассуждение представляет собой один из наиболее ярких примеров смитовой доктрины непреднамеренных социальных последствий индивидуальных поступков (БН. Кн. III. Гл. 4). *Исторический* анализ, содержащийся в третьей книге *БН*, является таким изощренным отчасти потому, что Смит видел, что его можно представить в качестве образца, а отчасти потому, что соответствующие доводы были отточены им за многие годы. Но лекции Смита добавляют к сказанному еще одно измерение. Его толкование «публичной юриспруденции» было призвано предоставить философское или научное рассмотрение тех процессов развития, которые начались в Афинах и заканчивались в Западной Европе. Но на фоне этой масштабной картины все больше и больше вни-

мания уделяется тому, что на самом деле представлял «Исторический подход к системе английского государственного управления» — так звучало заглавие работы Джона Миллара, впервые опубликованной в 1786 г.

Внимание в этой работе было сосредоточено на природе английской Конституции и правах на вольность (сжатое изложение соответствующих рассуждений можно найти в соответствующей части *Лекций по юриспруденции* (LJ(A)). Смит опирался на этот анализ в *БН*, когда писал о «замечательной» структуре судов в Англии и о важности разделения властей:

«Для того чтобы каждый отдельный человек чувствовал полную безопасность во владении всеми принадлежащими ему правами, не только необходимо отделение судебной власти от исполнительной, но необходимо судебную власть сделать, насколько возможно, независимой от власти исполнительной» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 675).

Таким же образом Смит обращал внимание на необходимость и одновременно опасности, связанные с существованием регулярной армии, замечая при этом, что в Англии было найдено решение, близкое к идеалу, когда «военная сила находится под командой тех, кто более всех заинтересован в поддержании гражданской власти» (БН. Кн. V. Гл. 1. Разд. 1).

Не менее важно было постепенное изменение соотношения сил, в результате чего палата общин стала наиболее влиятельной в качестве собрания представителей народа, которые обладают исключительным правом устанавливать налоги (БН. Кн. IV. Гл. 7. Разд. 2). Эта система, «усовершенствованная революцией», может быть полностью понята, только если обратиться к экономическим тенденциям, обусловившим ее возникновение. Все же Смит настаивал, что только Англия избежала абсолютизма (LJ (A). Part IV. P. 168) — обстоятельство, которое он приписывал тому, что было успешно найдено решение шотландской проблемы, а также естественному плодородию почв и географическому положению Британии как острова. К этому списку Смит добавлял личные особенности английских монархов, например, Елизаветы I, которая, будучи бездетной, продала земли короны и тем самым ослабила позиции своих наследников (LJ (A). Part IV. P. 171). Он также обращал внимание на характеристики королей из династии Стюартов, семьи, которая «была отвергнута по веским причинам» во время революции (LJ (B). P. 82).

Впрочем, Смит знал, что Англия не является в этом смысле уникальной страной и что ее институты — в более республиканской

форме — намеренно экспортировались в американские колонии, что ускоряло исторический процесс и способствовало повышению темпов экономического развития на Западе (БН. Кн. IV. Гл. 7. Разд. 2).

Целесообразность (экономическая теория). К тому времени, когда Смит перешел бы к последнему разделу своего курса, его студенты были бы уже хорошо осведомлены об актуальности предложенного материала. Его описание торговой стадии общественного развития ясно показывает, что обычные характерные признаки зависимости и субординации могут быть обнаружены в этой, как и во всех других типах, общественной организации. Но на этой стадии богатство вызывает только уважение и почтение (ТНЧ. Ч. I. Отд. 3. Гл. 2), в то время как зависимость имела отношение, скорее, к действию рыночных сил, нежели индивидов. В этом контексте «каждый торговец или ремесленник получает свои средства к существованию от заказов не одного, но сотни или тысячи разных потребителей. Поэтому он в некоторой степени обязан им, но не находится в абсолютной зависимости от каждого из них в отдельности» (БН. Кн. III. С. 411). На стадии торговли товары и услуги имеют свою цену, и высшей формой торговли каждого цивилизованного общества является торговля, протекающая между городскими и сельскими жителями (БН. Кн. III. Гл. 1).

Студенты Смита также должны были бы знать, что многие из тех психологических суждений, которые он представил в *ТНЧ*, имеют непосредственное отношение к ситуации, когда институциональные препятствия для экономического роста в основном устранены. Именно в этом контексте он обращался к иллюзии, связанной со стремлением к богатству; иллюзии, которая «возбуждает творческую деятельность человека и постоянно поддерживает ее» (ТНЧ. Ч. IV. Гл. 1. С. 184). В другом примечательном пассаже, используя аналогию с «невидимой рукой», Смит подчеркивал тот факт, что «богатые», расходуя излишки своих ресурсов, способствуют тем самым «созданию почти такого же распределения предметов первой необходимости, которое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми» (ТНЧ. Ч. IV. Гл. 1. С. 185).

Но, возможно, самыми поразительными из пассажей Смита являются те, где он напоминает читателю, что эгоистические поступки, в том числе экономические, имеют «социальные» последствия. Откуда, спрашивал Смит, «из чего проистекает зависть, волнующая все сословия общества? В чем состоит зародыш стра-

ти, общей всему человечеству и состоящей в вечном стремлении к улучшению положения, в котором находишься?». И отвечал: «В том, чтобы отличиться, обратить на себя внимание, вызвать одобрение, похвалу, сочувствие...» (ТНЧ. Ч. I. Отд. 3. Гл. 2. С. 69–70). Смит пошел еще дальше, утверждая, что «низким выглядит» тот человек, который не ищет «более необычных и значительных предметов для удовлетворения своего эгоизма», противопоставляя человека, действующего по заведенному правилу, человеку инициативному (ТНЧ. Ч. III. Гл. 6).

Далее Смит отмечал, что люди склонны одобрять те *средства*, которые позволяют достичь *цели*. Отсюда «чувство особенного уважения, с каким относятся к неизменно бережливым и трудолюбивым людям, хотя эта настойчивость обычно преследует приобретение богатства» (ТНЧ. Кн. IV. Гл. 2. С. 190). В следующем отрывке Смицу пришлось констатировать, что «только внутреннее желание заслужить это восхищение и эту похвалу может дать силы для такой упрямой настойчивости», поскольку обычно «удовольствие, которым мы будем наслаждаться через десять лет, мало интересует по сравнению с удовольствием, которое мы можем испытывать сегодня» (Там же).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

То, что Смит писал об экономике (за исключением двух фрагментов о разделении труда, обозначенных *FA* и *FB* в издании, вышедшем в Глазго), содержится в конспектах его *Лекций по юриспруденции 1762–1763* и *1763–1764* гг., а также в документе, впервые найденном У.Р. Скоттом и описанном им как «*ранний черновик*» *БН* (Scott, 1937). Первый набор конспектов менее полон, чем второй, и не содержит обсуждения истории с банком Джона Ло, процента, обмена и причин замедленного накопления богатства. Вместе с тем те темы, которые обсуждались и соответствуют разделам 1–12 второй части *LJ(B)*, изданных Кэннаном, как правило, изложены гораздо подробнее. *LJ(B)* являются не только более полными, но и крайней мере в смысле охвата, но и более законченными.

В каждой из ранних версий Смит демонстрирует интерес к основным темам, которые рассматриваются в порядке, во многом заимствованном у Хатчесона (Scott, 1900, ch. 11), особенно это относится к обсуждению разделения труда и его последствий, а также цен и распределения ресурсов. Развивая третью тему, а именно критику «заблуждения» меркантилистов, Смит разошелся с Хатчесоном, но продемонстрировал влияние Юма (Stewart, IV.24).

Однако в более поздней работе предложено более ровное и последовательное изложение по сравнению с *Лекциями по юриспруденции*. В *БН* анализ разделения труда принимает свою наиболее завершённую форму, а в теории цены там впервые предлагается четко различать факторы производства (земля, труд и капитал) и доходы, от них получаемые (рента, заработная плата, прибыль). Эти различия придали новый смысл уже достигнутому ранее пониманию общей взаимозависимости экономических явлений и позволили перейти к описанию макроэкономической модели, во многом основанной на учении Кенэ. Хотя некоторые комментаторы утверждают, что в *БН* (Кн. IV. Гл. IX) Смит излагал учение физиократов без почтения. Фактом остается то, что его анализ этой школы исходит из ее целей и содержит детали более сложной модели, которая ассоциируется с именами таких «ревизионистов», как Тюрго (Meek, 1962). Нет причин сомневаться в правдивости утверждения Дугалда Стюарта, что «близость, в которой он находился с некоторыми из лидеров этой секты, безусловно, не могла не способствовать упорядочению и систематизации его собственных рассуждений» (Stewart, III. 5). Стюарт также отмечал, что «если бы не смерть Кенэ, мистер Смит (как рассказал мне он сам), подарил бы ему свое *Богатство народов* с автографом» (Stewart, III.12). Стюарт отмечал также, что идея разграничить ренту, заработную плату и прибыль могла быть изначально высказана Смицу его старым другом Джеймсом Освальдом.

Разделение труда. Хотя модель Смита в своей постфизиократической форме характеризуется несколькими важными элементами, особое значение он придавал именно *разделению труда*. В терминах модели, о которой говорилось в предыдущем разделе, разделение труда, безусловно, подразумевается при наличии различных *секторов* или типов производственной деятельности. Но Смит подчеркивал также факт существования специализации по роду занятий, и даже внутри одного и того же рода занятий. Для иллюстрации своей основной мысли Смит выбрал знаменитый пример с булавками, столь «пустяковыми изделиями», производство которых тем не менее предполагало около 18 процессов.

Смит очень старался показать, что разделение труда (по процессам) помогает объяснить относительно высокую современную производительность труда — явление, которое он приписывал росту «сноровки», являющемуся неизбежным следствием выделения одной, относительно простой операции в качестве «единственного занятия работника»; экономии времени, которое в ином случае

было бы потрачено «на переход от одного вида работ к другому»; и сопутствующему использованию машин, которые упрощают и сокращают труд и позволяют одному человеку выполнять работу многих (БН. Кн. I. Гл. 1). Хотя Смиту пришлось позднее заявить, что сельское хозяйство является самой продуктивной областью для инвестиций, он указал, что возможности для разделения труда в сельском хозяйстве более ограничены, чем в промышленности (БН. Кн. I. Гл. 4).

Далее следовали четыре важных момента. Во-первых, Смит связывал разделение труда с процессом *изобретения* (техническими изменениями):

«Большая часть машин, используемых в тех мануфактурах, где процесс труда наиболее разделен, была первоначально изобретена простыми рабочими, каждый из которых, будучи занят какой-то очень простой операцией, естественным образом обратил свои мысли к поиску более простых и доступных способов выполнять ее» (БН. Кн. I. Гл. 1. С. 73).

Он также обращал внимание на вклад «изготовителей машин», и деятельность тех,

«кого называют учеными или теоретиками, профессия которых состоит не в изготовлении каких-либо предметов, а в наблюдении окружающего, и которые в силу этого в состоянии комбинировать силы наиболее удаленных друг от друга и несхожих предметов. С прогрессом общества умозрение становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией и занятием особого класса граждан» (БН. Кн. I. Гл. 1. С. 74).

Во-вторых, Смит утверждал, что разделение труда ограничено только масштабами рынка, обращая в этой связи внимание на важность коммуникаций, таких, как хорошие дороги, и доступ как к морю, так и к судоходным рекам. Последняя мысль имеет прямое отношение к историческому анализу Смита; последний проявляется при обсуждении общественных работ (см. ниже, с. 42–44). Те же соображения присутствуют и когда Смит призывает к либерализации торговли (см. ниже, с. 40–41), и когда напоминает о том, что разделение труда одновременно и способствовало бы процессу экономического роста, и поддерживалось бы им (это анализируется в кн. II *БН*).

В-третьих, Смит утверждал, что институт разделения труда помогает объяснить не только огромный наблюдаемый рост производительности труда, но также и такое повышение уровня материального благосостояния, что жилище «бережливого крестьянина»

теперь превосходит таковое «многих африканских царьков, абсолютных владык житей и свободы десятков тысяч нагих дикарей» (БН. Кн. I. Гл. 1. С. 75). Смит также замечает, что потребитель, покупающий один товар, приобретает на самом деле продукты «великого множества различных видов труда» (БН. Кн. I. Гл. 1). «Шерстяная куртка, например, которую носит поденный работник, как бы груба и проста она ни была, представляет собой продукт соединенного труда большого количества рабочих» (БН. Кн. I. Гл. 1. С. 74).

Однако самым непосредственно относящимся к обсуждаемой теме было объяснение необходимости *обмена*. Смит замечал, что, как только возникает разделение труда, наш собственный труд может удовлетворить лишь очень малую долю наших потребностей. Как следствие, указывал он, даже в бартерной экономике индивид может наилучшим образом удовлетворить весь спектр своих потребностей путем обмена излишков продукции своего производства на продукты других людей. Там, где разделение труда установлено *повсеместно*, следует ожидать, что каждый индивид будет в каком-то смысле зависим от своих собратьев, и, таким образом, «каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем» (БН. Кн. I. Гл. 4. С. 82).

Действительно, Смит утверждал, что

«точно так же, как посредством договора обмена и покупки мы приобретаем друг у друга большую часть необходимых нам взаимных услуг, так и эта склонность к обмену породила первоначально разделение труда» (БН. Кн. I. Гл. 2. С. 77).

Стоимость. Эти замечания привели Смита непосредственно к проблеме *стоимости*, и примечательно, что, для того чтобы упростить анализ, он рассматривал механизм бартерной экономики *аналитически* (в противоположность *историческому* подходу).

Исследуя *пропорции* обмена, Смит утверждал, что «соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, было бы, по-видимому, основанием, которое могло служить руководством для обмена» (БН. Кн. I. Гл. 6. С. 103). Таким образом, он предположил, что если для того, чтобы убить бобра, требуется вдвое больше труда, чем для того, чтобы убить оленя, то «один бобр будет, естественно, обмениваться на двух оленей или будет иметь стоимость двух оленей» (Там же). Это один из способов рассматривать проблему меновой стоимости, но, вероятно, Смит видел в ней не конечную цель, а способ выявить те факторы, которые управляют стоимостью *всего запаса товаров*,

который создает индивид и который предлагается использовать в обмене.

Рассматривая проблему *таким образом*, Смит продолжал:

«стоимость всякого товара... для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его лично или потребить, а обменять на другие предметы, равняется количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение, таким образом, труд представляет собой действительное мерило меновой стоимости всех товаров» (БН. Кн. I. Гл. 5. С. 88).

То, что Смит имеет в виду, становится понятным после его замечания, что меновая стоимость *запаса* товаров должна всегда быть в соответствии с

«количеством труда других людей, или, что то же самое, с количеством продукта труда других людей, которое он /человек/ благодаря своему богатству может купить или получить в свое распоряжение. Меновая стоимость всякого предмета в точности равна размеру той власти, которую данный предмет дает своему обладателю» (БН. Кн. I. Гл. 5. С. 89; курсив наш).

Другими словами, Смит здесь доказывает, что реальная стоимость товаров, с которыми рабочему приходится расстаться (фактически его доход), должна измеряться количеством товаров, которое он получит по завершении всей совокупности (отдельных) обменов.

Теперь, если, как предлагал Смит, относительные цены товаров всегда равны отношению количества *воплощенного* в них труда, отсюда следует, что количество труда, воплощенного в запасе товаров, используемых для обмена, должно быть равно количеству труда, воплощенного в полученных в результате такого обмена товарах. В этом рассуждении присутствуют два важных момента. Первый: Смит предположил, что в бартерной экономике затрачиваемый индивидом и воплощенный в созданных *им* товарах труд должен обмениваться на или получать в свое распоряжение равное количество труда. Короче, воплощенный труд равен труду располагаемому. Но так же очевидно, что в современной экономике труд более не является единственным фактором производства и что «при таком положении вещей работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда» (БН. Кн. I. Гл. 6. С. 105). Равенство между воплощенным и располагаемым трудом выполняется только для бартерной экономики, и ни для какой другой.

Очевидное различие между бартерной и современными экономикami нужно искать в том факте, что в то время как в первой

товары обмениваются на товары, в последних товары обмениваются на некоторые суммы денег, которые затем могут быть потрачены на приобретение других товаров. При таких обстоятельствах индивид, как заметил Смит, склонен оценивать стоимость своих денежных поступлений (полученных взамен понесенных «тягот» труда), скорее, в терминах денег, чем количества товаров, которые он может приобрести, потратив эти деньги. Но Смит все же настаивал на том, что реальной мерой нашей способности удовлетворять наши желания является, скорее, «стоимость денег», чем сами деньги, где первая определяется количеством продуктов («располагаемого» труда), которое могут индивиды или группы индивидов купить. Далее, Смит различал номинальную и действительную стоимость дохода, указывая на то, что если сегодня три исходных источника дохода — это заработная плата, рента и прибыль, то действительная *стоимость* всех различных составных частей цены определяется «количеством труда, которое может купить или получить в свое распоряжение каждая из них» (БН. Кн. I. Гл. 6. С. 105).

Факторы, определяющие цену. Внимание, которое Смит уделял обмену, распространялось и на проблему спроса, которая уже была рассмотрена в *ТНЧ* и прежде всего в части IV («О влиянии полезности на чувство одобрения»). В *LJ* Смит противопоставлял спрос на товары непосредственного использования такие, как те, что связаны с пропитанием и жильем, жажде изящного, проистекающей из «утонченности» тела и «гораздо большей утонченности» разума (*LJ* (B), 208; cf. *LJ* (A), iv, 1–30). В этой связи он обращает внимание на человеческое «чувство прекрасного, которое связано преимущественно с тремя характеристиками: необходимое разнообразие, легко устанавливаемая связь и простой порядок», а потом замечает, что «эти качества, являющиеся основой для предпочтения, и служат поводом удовольствия и боли, являются причиной многих незначительных потребностей, в удовлетворении которых мы никоим образом не нуждаемся» (*LJ* (B), 209).

Смит продолжает рассуждение и обращается к знаменитому парадоксу; а именно, что «предметы, обладающие весьма большой потребительной стоимостью, часто имеют совсем небольшую меновую стоимость или даже совсем ее не имеют: напротив, предметы, имеющие очень большую меновую стоимость, часто имеют совсем небольшую потребительную или совсем ее не имеют. Нет ничего полезнее воды, но на нее почти ничего нельзя купить, по-

что ничего нельзя получить в обмен на нее. Напротив, алмаз почти не имеет никакой потребительной стоимости, но часто в обмен на него можно получить очень большое количество других товаров» (БН. Кн. I. Гл. 4. С. 87).

Позиция Смита по поводу первой части утверждения основана на его представлении о том, что оба товара «полезные». В первом случае (вода) ценность придается товару потому, что он может быть использован практически, в то время как в последнем случае (алмазы) товар вызывает к нашим «чувствам» — зов, который, как замечал Смит, определяет, что товар оказывается «предпочтительным», «достойным». Он заключал, что «спрос на драгоценные камни возникает исключительно из их красоты, и они не имеют применения иначе как для украшения» (БН. Кн. I. Гл. 11. С. 213).

В то же время Смит признавал, что это достоинство (ценность) является функцией редкости: «достоинство предмета, в какой-либо мере полезного или красивого, значительно увеличивается благодаря его редкости» (БН. Кн. I. Гл. 11. С. 213). Даже более определенно: «Дешевизна, в действительности, то же самое, что изобилие. Только по причине изобилия вода столь дешева, что ее просто черпают из колодцев, и по причине редкости алмазов (ибо их реальное применение еще предстояло обнаружить) они столь дороги» (LJ (B), 205–206). Подобные рассуждения могут быть обращены и к проблеме определения цены конкретного товара, причем таким образом, что они приведут к идее убывающей кривой спроса, которая фактически используется Смитом в формальном анализе факторов, определяющих цену.

Со стороны предложения Смит предполагает существование заданных «обычных», или «средних», уровней заработной платы, прибыли и ренты; уровней, которые можно назвать преобладающими в любых отдельно взятых обществе или области на протяжении заданного периода времени (БН. Кн. I. Гл. 7). Эта предпосылка важна по трем причинам: во-первых, она указывает, что в подходе к проблеме цены Смит обращается к статике как инструменту анализа. Во-вторых, стоит заметить, что эти уровни определяют цену предложения товаров и фактически задают *положение* (горизонтальное) кривой предложения. В-третьих, рассуждения Смита предполагают, что цена товаров может устанавливаться «сложением» ее составных частей — заработной платы, прибыли и ренты.

Опираясь на эти три ключевые предпосылки, Смит перешел к исследованию проблемы цены, и, как можно увидеть, затронул две различные, но взаимосвязанные проблемы. Во-первых, он намеревался выяснить факторы, определяющие цены конкретных то-

варов (Blaug, 1962, гл. 2). Во-вторых, он, как кажется, опирался на этот анализ, чтобы пролить свет на феномен *общей взаимозависимости*, на который уже намекал в *Лекциях* (Hollander, 1973).

Рассматривая первую проблему, Смит исследовал случай товара, производимого некоторым числом продавцов. Он начал анализ с подтверждения различия между «естественной» и «рыночной ценой», уже установленного в *LJ. Естественная цена* теперь определялась как такой объем средств, который «необходим для оплаты в соответствии с их естественными нормами ренты, заработной платы и прибыли на капитал...» (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 109). Там, где превалирует естественная цена, продавец способен в точности покрыть свои издержки и получить маржу, равную «обычной, или средней» прибыли. Напротив, *рыночная цена товара* определяется как такая цена, которая устанавливается в любой заданный момент времени и регулируется «отношением между количеством, фактически доставленным на рынок, и спросом на него со стороны тех, кто готов заплатить его естественную цену» («действительных покупателей») (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 110). Две «цены» находятся во взаимосвязи, суть которой состоит в том, что в то время как в краткосрочном периоде рыночная и естественная цены могут различаться, в долгосрочном периоде они имеют тенденцию к совпадению. Естественная цена, таким образом, выступает как *равновесная* цена, устанавливающаяся, когда рассматриваемый товар продается по его себестоимости. Последнюю мысль можно проиллюстрировать, рассмотрев последствия расхождения между двумя ценами. Например, если количество, предложенное к продаже продавцом, было меньше того, что покупатели были готовы приобрести по конкретной (естественной) цене, то будет иметь место конкуренция между покупателями, стремящимися получить часть относительно ограниченного запаса товара. При таких обстоятельствах, доказывал Смит, «рынок» поднимется выше «естественной» цены, причем степень расхождения будет определяться «величиной недостатка» и варьироваться «в зависимости от большей или меньшей важности приобретения этого товара» (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 111). Поясняя последнюю мысль, Смит упомянул, что если относительная нехватка касается товаров, являющихся «предметами первой необходимости», степень расхождения между двумя ценами (фактически ценами спроса и предложения) была бы больше, чем в других случаях (например, в случае с товарами роскоши).

При таких обстоятельствах цена, получаемая продавцом, должна превышать естественную цену (издержки производства), и, следовательно, доход факторов производства этого товара (особенно

ЕСТЕСТВЕННЫЕ УРОВНИ ФАКТОРНОГО ДОХОДА

Смитова теория цен была построена на предположении о заданных уровнях факторного дохода. Его следующей задачей было выяснить, что определяет («обычный, или естественный») уровень факторного дохода в любой заданный момент или в течение длительного времени. Он использовал простую модель «спроса и предложения», рассмотренную только что, стараясь при этом проводить различия между различными видами факторных платежей.

Заработная плата является платой за использование фактора труда. Она выплачивается теми классами, которым необходим этот фактор (предприниматели, фермеры), и передается тем, кто действительно продал свою рабочую силу. Процесс определения заработной платы можно в таком случае рассматривать как разновидность сделки, или заключения контракта (БН. Кн. I. Гл. 7), где баланс обычно «скошен» в сторону «хозяев» по той причине, что современное Смиуту законодательство разрешало «объединения» последних, но запрещало объединения рабочих. Но Смит также указывал, что независимо от законодательных привилегий на переговорную силу двух сторон должны влиять отношения спроса и предложения (БН. Кн. I. Гл. 7).

Заработная плата может быть относительно высокой или низкой в зависимости от количества доступной рабочей силы и размера фондов (или запаса капитала), имеющегося для ее приобретения. Смит фактически не намеревался определить верхний предел уровня заработной платы, но предполагал, что в долгосрочном периоде его нижний предел должен определяться потребностью в средствах к *существованию* (БН. Кн. I. Гл. 8). Важность «минимальной заработной платы» связана с тем, что она представляет собой долгосрочную цену предложения труда, а это, в свою очередь, объясняется тем, что на протяжении длительного времени рабочая сила может воспроизводиться с постоянными издержками. Отсюда минимальную заработную плату можно рассматривать как разновидность «естественного», или равновесного, уровня. Чтобы пояснить свою мысль, Смит рассматривал три случая, аналогичных тому, как он это делал в своем предыдущем анализе равновесной цены.

В ситуации долгосрочного равновесия спрос и предложение труда должны быть такими, чтобы рабочие получали минимальную заработную плату. В этом случае устанавливается положение равновесия, т.е. не возникает тенденции к росту или сокращению населения — условие, которое будет соблюдаться до тех пор, пока не произойдет изменения в размере фонда заработной платы. Этот

заработная плата и прибыль) также будет подниматься выше своего «обычного» уровня. Следствием такого расхождения между доходом факторов при производстве конкретного товара и преобладающими «естественными» доходами факторов должен стать приток ресурсов в эту относительно прибыльную область, что вызовет расширение предложения данного товара и возврат к тому положению, когда он продавался по естественной цене. При относительном недостатке товара на рынке, заключал Смит, «количество товара, доставленного на рынок, окажется достаточным для удовлетворения действительного¹ спроса. Все составные цены товара скоро упадут до своей естественной нормы, а цена в целом — до естественной цены товара» (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 112). Короче, «естественная цена» устанавливается в качестве равновесной, или «основной», цены, «к которой постоянно тяготеют цены всех товаров» (Там же).

В первой части рассуждений устанавливается, что в случае любого отдельно взятого товара равновесие будет достигнуто тогда, когда товар продается по своей естественной цене, и каждый из (релевантных) факторов производства получает свой естественный уровень дохода. Очевидно, что если этот процесс и результат существуют для каждого товара по отдельности, они также должны иметь силу и в отношении ко всем товарам, «рассмотренным в совокупности», по крайней мере, там, где действует конкуренция. *Во всей экономике в целом* положение равновесия было бы достигнуто тогда, когда каждый вид товара продавался бы по своей естественной цене, и каждый фактор производства при любом его использовании получал бы свой естественный уровень дохода. Тогда можно было бы сказать, что экономика «сбалансирована», поскольку, если указанные выше условия соблюдены, не может существовать тенденции к перемещению ресурсов в пределах одной или между разными областями их применения. Там, где баланс нарушается (например, в результате изменения вкусов), естественно, возникает стремление к его восстановлению в результате (одновременной) адаптации рынков факторов и товаров. Отклонение и восстановление положения равновесия зависят, по существу, от эгоистических действий и реакций покупателей и производителей. Таким образом, данная Смитом трактовка цены и распределения ресурсов является одним из лучших примеров, демонстрирующих «взаимозависимость» экономики и действие «невидимой руки».

¹ Сегодня мы предпочли бы использовать термин «эффективный». — *Прим. науч. ред.*

пример стационарного состояния Смит иллюстрирует ссылкой на Китай (БН. Кн. I. Гл. 8). Вместе с тем Смит рассматривал случай, когда в течение одного года или нескольких последовательных лет наблюдается падение спроса на труд. В этой ситуации фактическая ставка заработной платы должна упасть ниже минимального уровня, что вызовет сокращение населения до такого уровня, который позволит выплачивать минимальную заработную плату. Этот пример отражает «сокращающуюся» стадию. В качестве примеров Смит приводит Бенгалию и некоторые английские поселения в Ост-Индии; области, где сокращение фонда заработной платы приводило к нужде, «голоду и смертности» до тех пор, пока «число обитателей не сократилось до того количества, которое легко может существовать на доход и капитал, оставшиеся в стране» (БН. Кн. I. Гл. 8. С. 125).

На «расширяющейся стадии» возрастание, или серия последовательных (ежегодных) увеличений, размера фонда заработной платы приводит к тому, что заработная плата, превышающая минимальный уровень, выплачивается настолько долго, сколько времени требуется для того, чтобы увеличить численность населения; рост, который будет неизбежно вытекать из более высокого уровня жизни. Смит также указал, что признаком «расширяющейся стадии» является постоянное увеличение спроса на труд, позволяющее выплачивать высокие ставки заработной платы в течение нескольких лет, по крайней мере, настолько долго, пока темп роста спроса на труд превышает темп роста его предложения. Хорошим примером этой тенденции Смит считал ситуацию в Северной Америке, причем он отмечал, что многие европейские страны, включая Великобританию, демонстрировали ту же тенденцию, хотя и в меньшей степени. Все три случая иллюстрируют одну и ту же базовую закономерность; а именно, что спрос на людей, подобно спросу на любой другой товар, с необходимостью регулирует производство людей (БН. Кн. I. Гл. 8).

Прибыль не рассматривалась Смитом как вознаграждение за выполнение функции «инспекции и управления», скорее, он видел в ней компенсацию за беспокойство и риски, связанные с комбинированием факторов производства (БН. Кн. I. Гл. 6). Размеры прибыли, выпадающей на долю индивидуальных производителей, обусловлены ценой продажи соответствующего товара и издержками его производства. Прибыль, таким образом, особенно чувствительна к изменениям спроса, а также к «удачам или неудачам» конкурентов и покупателей; имея в виду эти обстоятельства, трудно говорить об «обычной, или средней» норме прибыли. Однако

Смит предположил, что ставка *процента* представляет достаточно точный показатель уровня прибыли в каждый момент времени и на протяжении долгих периодов на том основании, что процент, уплачиваемый на взятые займы фонды, отражает прибыль от их использования: «Можно признать за правило, что процент на деньги будет выше в тех случаях, когда возможно получить большую прибыль от вложения денег в какое-нибудь дело, и, наоборот, за них дадут меньше, если употребление их обещает меньшую выгоду» (БН. Кн. I. Гл. 9. С. 138).

По крайней мере, как некое обобщение Смит считал возможным утверждать, что норма прибыли, достающаяся предпринимателю в каждый заданный момент (при прочих равных и заданных ставках заработной платы), определяется доступным запасом капитала наряду с объемом деловых операций, которые можно осуществить с его помощью, или возможностями для прибыльных инвестиций. Отсюда следует, что в течение длительного времени норма прибыли будет иметь тенденцию к снижению, отчасти в связи с постепенным ростом запаса капитала, а отчасти в связи с возрастающими затруднениями в поисках «прибыльного способа вложения любого нового капитала». «Сокращение прибыли есть естественное последствие... процветания», хотя, как указал Смит, в развивающихся странах тенденция к падению прибыли может быть изменена на противоположную или остановлена в связи с появлением новых возможностей для инвестиций или новых территорий (БН. Кн. I. Гл. 9).

Основные тезисы ясны: в долгосрочном периоде прибыль (подобно заработной плате) имеет тенденцию к снижению. В каждый заданный момент времени (например, год) установившаяся «обычная, или средняя» норма прибыли должна быть функцией запаса капитала и пропорций, в каких он может вкладываться в различные производства. Смит сделал важное уточнение последнего замечания, указав, что даже если запас капитала остается неизменным, норма прибыли будет связана с преобладающей ставкой заработной платы. Если рабочая сила относительно доступна по сравнению с заданным запасом капитала (т. е. в отношении к фонду заработной платы), норма прибыли будет выше, а заработной платы — ниже, чем была бы, если бы рабочая сила была относительно более редкой.

В следующей главе Смит добавил еще одно важное направление в исследовании заработной платы и прибыли. Оно связано с признанием (вслед за Хатчесоном) того, что разные способы использования труда различаются качественно. Как писал Смит, «это

различие зависит частью от некоторых условий, которые присущи самим этим отраслям и которые в действительности или только в воображении людей компенсируют малую денежную выгоду в одних и уравнивают большую выгоду в других...» (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 147). Он отметил, например, что различие ставок заработной платы между различными занятиями должно отражать различия в трудности освоения соответствующих профессий, стабильности занятости и степени ответственности, с которой связана эта работа. Также он замечал, что как заработная плата, так и прибыль должны варьировать в соответствии с различиями в приятности работы и вероятностью преуспеть в различных областях. Смит заключал, что в конкурентной среде совокупность преимуществ и недостатков различных областей применения труда и капитала должна в одном и том же районе или полностью выравниваться, или постоянно стремиться к этому (БН. Кн. I. Гл. 10).

Рента определяется как «плата за пользование землей» (БН. Кн. I. Гл. 11. С. 187), уплачиваемая по той причине, что земля, сама по себе способная приносить плоды, является чьей-либо собственностью и (предположительно) редка. Смит утверждал, что рента составляет чистый излишек; собственники земли предстают единственным из трех слоев общества, чей доход не связан ни с трудом, ни с заботой, но приходит к ним как будто бы сам по себе (БН. Кн. I. Гл. 11). Более того, Смит полагал, что рентные платежи несколько сродни «монопольной цене», по крайней мере, в том широком смысле, что их размер обычно равен максимуму, который возможно получить, учитывая «фактические обстоятельства, связанные с землей». Смит признавал, что рентные платежи могут меняться в соответствии как с плодородием земель, так и с их расположением.

Смит в целом придерживался того взгляда, что земля, используемая для производства продуктов питания, всегда должна приносить ренту, величину которой он оценивал примерно как $\frac{1}{3}$ общего объема производства. Более того, он предполагал, что в долгосрочном периоде рентные платежи должны иметь тенденцию к возрастанию, по крайней мере, в абсолютном выражении, в связи с возрастающим использованием доступного запаса (земли), неизбежно связанным с ростом населения. Улучшения и усовершенствования напрямую увеличивают ренту. Доля продукта, отходящая землевладельцу, с необходимостью возрастает с ростом производства продукта. Он добавлял, что реальная стоимость доходов землевладельца со временем также должна возрастать, поскольку все те улучшения в производительных силах труда, которые непосред-

ственно сокращают реальную цену промышленных товаров, косвенно увеличивают реальную ренту, связанную с использованием земли (БН. Кн. I. Гл. 11).

Особую важность в данном случае имеют два момента. Во-первых, из анализа Смита следует, что в любой момент времени или в течение данного периода рентные платежи будут функцией степени использования (фиксированного запаса земли), где последняя, в свою очередь, будет функцией численности населения. Во-вторых, рассуждения Смита указывают, что на протяжении любого заданного периода размер рентных платежей будет связан не только с плодородием почвы, но также с преобладающими ставками заработной платы и прибыли (БН. Кн. I. Гл. 11).

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Очевидно, что в трактовке Смитом распределения ресурсов присутствует элемент статики, связывающий ее с теорией цены. Но присутствует и динамический элемент в том смысле, что Смит был в некоторой степени озабочен долгосрочными тенденциями изменения факторных доходов, трактуя факторы производства скорее как поток, нежели запас.

Статический подход, выдержанный в духе физиократов, проявляется при анализе кругооборота, а динамический — обращен к проблематике экономического роста.

Анализ кругооборота. Смитов анализ «кругообращения» можно рассматривать как прямое развитие результатов, уже сформулированных им в ходе анализа проблемы цены. Издержки производства несут производители товаров, тем самым снабжая индивидов средствами для обмена. Следовательно, если цена каждого товара (в положении равновесия) включает рентные платежи, заработную плату и прибыль в соответствии с их естественными уровнями, то «это должно относиться и ко всей совокупности товаров, составляющих годовой продукт земли и труда каждой страны» (БН. Кн. II. С. 298). Смит заключал: «Общая цена, или меновая стоимость, этого годового продукта должна раскладываться на такие же три части и распределяться между различными жителями страны» (Там же). Смит, таким образом, установил, что должна существовать взаимосвязь между агрегированным выпуском и агрегированным доходом: «Валовой доход всех жителей обширной страны состоит из годового продукта их земли и труда» (БН. Кн. II. Гл. 2. С. 298).

Три главные социоэкономические группы выполняют особые и специфические функции. Землевладельцы обычно ассоциируются с расточительством и показным потреблением, в то время как наемная рабочая сила как группа сталкивается с проблемой удовлетворения более насущных нужд. «Предприниматели» обычно ассоциируются с «побуждением к сбережению», а также с готовностью инвестировать как в основной, так и в оборотный капитал; эти категории напоминают об учении физиократов.

Основной капитал определяется как та часть сбережений, которая используется для приобретения «полезных машин» или улучшения, например, производительных сил земли. Его характерной чертой является то, что товары и, в конечном счете, прибыль создаются за счет использования и *сохранения* в распоряжении владельца соответствующих инвестиционных благ. *Оборотный капитал* — это та часть сбережений, которая используется для приобретения отличных от «постоянных» инвестиционных благ, таких как рабочая сила или сырье. Характерной чертой является то, что товары производятся посредством временного «расставания» с используемыми таким образом фондами. Смит также отмечал, что в различных производствах используются разные пропорции основного и оборотного капитала, и что никакой основной капитал не «может приносить какой-либо доход иначе как при помощи оборотного капитала» (БН. Кн. II. Гл. 1. С. 295).

Система, которую описал Смит, включала производство и использование как инвестиционных, так и потребительских благ, в ней также присутствовал спрос на *услуги*, которые не вносят *непосредственного* (в физическом выражении) вклада в (годовой) выпуск товаров и, следовательно, не вносят вклада в связанный с ним доход. Смит формально охарактеризовал такой труд как «непроизводительный», но не отрицал, что подобные услуги полезны. Он указывал, что услуги «актеров, шутов, оперных певцов и музыкантов» имеют определенную *ценность*, поскольку они являются источниками удовольствия для тех, кто за них платит. Он также замечал, что услуги, предоставляемые государством, такие, как правосудие и оборона, которые оплачиваются из налогов, имеют ценность по той причине, что без них общество не могло бы существовать. Однако все такие услуги по определению непроизводительны:

«Государь, со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непроизводительных работников. Они являются слугами общества, содержатся на часть годового продукта труда остального населения» (БН. Кн. II. Гл. 3).

Затем Смит перешел к построению модели «кругооборота», которая во многом опиралась на анализ физиократов, однако имела свою специфику, поскольку Смит разделил запасы *общества* на несколько компонентов. Это была, во-первых, та часть общих запасов, которая зарезервирована для непосредственного потребления и которой владеют *все* потребители (предприниматели, рабочие и землевладельцы). Особенностью этой части общих запасов является то, что они не приносят своим обладателям никакого дохода, поскольку представляют собой «запасы пищи, одежды, мебели и т.д., предметов домашнего обихода, которые были приобретены их непосредственными потребителями, но еще полностью не потреблены» (БН. Кн. II. Гл. 1. С. 293).

Во-вторых, существует часть общего запаса, которую можно описать как «основной капитал» и которая также будет распределена между различными группами общества. Эта часть, полагал Смит, состоит из «полезных машин», приобретенных в предшествующие периоды и принадлежащих предпринимателям, занимающимся промышленным производством, а также из количества полезных зданий и «улучшенной земли» в собственности «капиталистических» фермеров и землевладельцев вместе с «приобретенными и полезными способностями» всех обитателей, т.е. человеческим капиталом.

В-третьих, та часть общего запаса, которая может быть описана как «оборотный капитал» и которая также состоит из нескольких компонентов. Она включает количество денег, необходимых для обеспечения процесса обращения; запас продовольствия и других сельскохозяйственных продуктов, доступных для продажи в текущий период, но все еще находящихся в руках фермеров или торговцев; запас сырья и незаконченных изделий у торговцев, предпринимателей или тех капиталистов (например, предпринимателей), которые заняты в земледелии (включая добычу полезных ископаемых и т.д.). Наконец, сюда входит запас изготовленных товаров (потребительских и инвестиционных), созданных в предыдущем периоде, но остающихся в распоряжении предпринимателей и торговцев в начале рассматриваемого периода (БН. Кн. II. Гл. 1).

Логику этого процесса лучше всего показать, рассматривая по отдельности его составляющие. Предположим, что в начале рассматриваемого периода основным группам капиталистов принадлежат совокупные чистые доходы от продажи товаров в предыдущем периоде, и что предприниматели, занятые в сельском хозяйстве, ведут свой бизнес, уплачивая ренту собственникам земли за

использование этого фактора. Получаемый таким образом доход позволяет последним приобретать необходимые потребительские товары в текущем периоде, тем самым уменьшая их запас для продажи. Предприниматели (капиталисты), работающие в обоих секторах, вместе с группами торговцев, передают рабочим содержимое фонда заработной платы, тем самым обеспечивая этот социэкономический класс доходом, который может быть использован в текущем периоде. Предприниматели (или дельцы), занятые в сельском хозяйстве и промышленности, приобретают потребительские и инвестиционные товары друг у друга (при посредничестве розничных и оптовых торговцев), тем самым создавая цепочку расходов, *соединяющую* эти два сектора. Процесс круговорота завершается покупками, которые предприниматели совершают *внутри* собственных секторов. Эти покупки включают потребительские и инвестиционные товары и, таким образом, способствуют дальнейшему сокращению запаса товаров, формировавшего часть оборотного капитала общества в начале периода (т.е. года).

Принимая во внимание сказанное, функционирование системы можно представить в терминах *потоков*, в которых деньги (поступающие в форме ренты, заработной платы и прибыли) обмениваются на товары. Потребительские товары, изымаемые из существующего запаса, могут быть полностью израсходованы на протяжении текущего периода, использованы для *увеличения* запаса, «зарезервированного для непосредственного потребления», или заменить товары длительного пользования, у которых закончился срок службы в том же периоде. Аналогичным образом предприниматели могут *пополнить* свой запас сырья и основного капитала или заменить машины, полностью износившиеся в текущем периоде, а также израсходованное сырье. С этой точки зрения, «круговорот» можно рассматривать как содержащий покупки, *изымающие* товары из оборотного капитала *общества* — процесс, которому соответствует одновременный процесс его *пополнения* за счет текущего производства сырья и других товаров.

Прежде чем пойти дальше, необходимо упомянуть о двух обстоятельствах. Обсуждая функционирование «потока», Смит фактически рассмотрел «различное приложение капитала». Как он сам отмечал, напоминая о *Размышлениях* Тюрго (раздел LXXXIII), капиталы могут использоваться в сельском хозяйстве, промышленности или оптовой и розничной торговле: «Каждый из этих четырех видов приложения капитала необходим как для существования или расширения трех других, так и для общего благополучия всего общества» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 364).

Он также замечал, что нормы прибыли в каждой области следует рассматривать как взаимосвязанные, с должной поправкой на преимущества и недостатки, присущие различным способам приложения капитала. Смит также указывал, что нормы прибыли в различных областях приложения капитала будут стремиться к выравниванию в результате перемещения ресурсов между этими областями. В отрывке, напоминающем его описание процесса аллокации ресурсов, Смит отмечал, что «помыслы о своей собственной частной прибыли являются единственным мотивом, побуждающим владельца всякого капитала вкладывать его в земледелие, в мануфактуру или в какую-либо особую отрасль оптовой или розничной торговли» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 377).

Динамика. Решив изучать функционирование экономики на протяжении такого временного периода, как год, Смит придал своей модели в целом краткосрочный характер, хотя она и *включала* фактор времени. Но он не стремился сформулировать условия *равновесия* модели, как это сделал Кенэ в своем *Анализе*, — по крайней мере, в том смысле, что не пытался строить рассуждения, используя конкретные количественные предпосылки. Отсутствие у Смита интереса к «макростатическому» равновесию в какой-то степени подтверждает тот факт, что он принимал во внимание проблему, возникающую в связи с тем, что скорость использования различных товаров может быть различна.

Смит также не предполагал, что уровень выпуска, достигнутый на протяжении любого заданного периода, будет в точности достаточен для возмещения товаров, израсходованных в течение этого периода. Напротив, он утверждал, что уровни выпуска, достигнутые в любой заданный период, вполне могут *превышать* свои предыдущие значения. Основным предметом, заботившим Смита, был экономический рост:

«Годовой продукт земли и труда какой-либо нации может быть увеличен в своей стоимости только посредством увеличения числа ее производительных работников или производительной силы прежде занятых рабочих» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 350).

Оба источника увеличения выпуска требовали «дополнительного капитала», направляемого либо на прирост фонда заработной платы, либо на покупку «машин и орудий, облегчающих и сокращающих труд» (Там же). Ключевым фактором в этом процессе являются *чистые сбережения*:

«Бережливость, увеличивая фонд, предназначенный на содержание производительных работников, ведет к увеличению числа тех работников, труд которых увеличивает стоимость предметов, к которым он прилагается. Она ведет поэтому к увеличению меновой стоимости годового продукта земли и труда данной страны. Она приводит в движение добавочное количество труда (*industry*), которое придает добавочную стоимость годовому продукту» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 345).

Чистые сбережения, используемые для «производительных» целей, с большой вероятностью будут способствовать увеличению объема выпуска и дохода в последующие периоды. При существовании возможностей для инвестирования процесс накопления капитала и экономического роста можно рассматривать как самоподдерживающийся; это указывает на то, что смитову версию «потока» необходимо рассматривать не как «круг», но как постоянно расширяющуюся спираль. Именно в этой связи Смит высказывал предположение, которое должно было стать важным при формулировке классической системы, позднее ассоциируемой с именами Ж.-Б. Сэя и Джеймса Милля; а именно — «то, что сберегается в течение года, потребляется столь же регулярно, как и то, что ежегодно расходуется, и притом в продолжение почти того же времени, но потребляется совсем другими людьми» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 345). Это перекликается с более ранним замечанием: «Человек должен быть лишен всякого здравого смысла, если в стране, где существует достаточно устойчивый порядок, он не употребляет весь имеющийся в его распоряжении запас капитала...» (БН. Кн. II. Гл. 1. С. 297).

Смитова трактовка экономического роста была дополнена указанием, сделанным при обсуждении разделения труда, что технические перемены эндогенны и непрерывны (см. выше — *Разделение труда*). Смит утверждал, что экономический процесс с большой вероятностью сопровождается возрастающей отдачей от масштаба, но при этом маловероятно, что он полностью осознавал темп технических изменений, происходивших в его время. Однако он также проявлял интерес к другим факторам, способным повлиять на темп роста, каждый из которых имеет отношение к сказанному.

Смит отмечал значение количества ресурсов, необходимого для поддержания основного капитала, и обращал внимание на последствия коммерческого провала, который всегда ведет к уменьшению фонда, предназначенного на содержание производительного труда» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 348). Размер государственного сектора он также считал важным фактором, поскольку «весь, или почти

весь, государственный доход в большинстве стран расходуется на содержание непроизводительных элементов» (БН. Кн. II. Гл. 3. С. 349).

Он также обращал внимание на значение «огромных долгов, которые в настоящее время гнетут и, в конечном счете, вероятно, разорят все великие нации Европы» (БН. Кн. V. Гл. 3. С. 843). Смит отмечал, что объем долга в Британии к 1775 г. достиг 130 млн фунтов стерлингов, и около 124 млн из общей суммы было размещено в государственных ценных бумагах (БН. Кн. V. Гл. 3. С. 853). Отвлекаясь от проблемы налогов, Смит высказывал озабоченность тем, что практика секьюритизации фактически означала, что определенная часть годового продукта отвлекалась от функционирования в качестве капитала, чтобы служить в качестве дохода (БН. Кн. V. Гл. 3). Это утверждение представляло собой вариант основного тезиса Смита о том, что темп роста должен определяться той степенью, в которой ресурсы используются для поддержки производительного труда в противовес непроизводительному (БН. Кн. II. Гл. 3).

Смит шел дальше и утверждал, что на темп роста будет влиять на то, куда будут направлены инвестиции, возникшие в результате инъекций капитала. Он показывал, что инвестиции в основные области, упомянутые при описании «потока», будут прямо или косвенно поддерживать то или иное количество производительного труда. *Розничный торговец* возвращает капитал оптового торговца, у которого он закупает товары, и этим поддерживает определенное количество работников, даже если он сам является единственным производительным работником, непосредственно занятым в бизнесе. *Оптовый торговец* возвращает вместе с прибылью капиталы фермеров и производителей, с которыми он ведет дела и у «которых он покупает сырые продукты и готовые изделия, составляющие предмет его торговли» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 366). И прямо, и косвенно оптовый торговец поддерживает большее количество производительных работников, чем розничный. Если оптовая торговля предпочиталась розничной, то *промышленность* оказывалась еще более важной, поскольку инвестиции в эту область косвенно поддерживали бы относительно большое количество производительного труда, возвращая капитал тех, кто поставяет машины и сырье, и в то же время непосредственно обеспечивая занятость относительно большого числа людей. Но, несомненно, Смит предпочитал всему сельское хозяйство, как это было уже зафиксировано в *LJ*: «Никакой равный по объему капитал не приводит в движение большего количества производительного труда, чем капитал фермера». Отсюда он делал вывод, что «это самый

выгодный для общества из всех существующих способов приложения капитала» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 367).

Смит выдвинул два дополнительных предположения, которые, *по-видимому*, вытекают из только что сформулированного тезиса. Во-первых, он заявлял, что там, где доступного запаса капитала не хватает для сельского хозяйства, промышленности и торговли, максимальный темп роста будет достигнут путем концентрации инвестиций на первом из перечисленных направлений. Он полагал, что темп экономического роста в Европе был ниже, чем мог бы быть, и что «сельское хозяйство... почти везде способно поглотить гораздо больший капитал, чем какой-либо прилагался в нем» (БН. Кн. II. Гл. 5. С. 377–378). Во-вторых, он утверждал, что существует естественная *последовательность* инвестиций: «При естественном ходе вещей большая часть капитала всякого развивающегося общества направляется прежде всего в земледелие, затем в мануфактуру и в последнюю очередь — во внешнюю торговлю» (БН. Кн. III. Гл. 1. С. 384).

Теория накопления капитала Смита является главной темой второй книги *БН* и завершает логику его более ранних частей, проливая свет на источник долгосрочных изменений факторных платежей. Внимание Смита к долгосрочному периоду также объясняет основной выбор темы гл. 5 кн. I *БН*, где он обсуждал вопрос о мере стоимости в контексте проблемы экономического роста. Он стремился обосновать утверждение, что реальная стоимость дохода может быть измерена только в единицах количества товаров или количества труда (*воплощенного труда*), которое этот доход позволяет индивиду приобрести или которым позволяет распоряжаться (БН. Кн. I. Гл. 5. С. 88). Смит также стремился найти способ измерить степень улучшения (или ухудшения) положения индивида на протяжении длительных периодов времени, соотнося улучшение в благосостоянии со снижением «усилий в расчете на единицу дохода» (Блауг, 1994. С. 46).

И все же, насколько бы «завершенной» ни была работа Смита, в ней есть несколько недостаточно прописанных моментов, о трех из которых здесь можно упомянуть. Выдвинув тезис о «естественном росте изобилия», Смит развил его, утверждая, что «этот естественный порядок вещей» во всех современных европейских государствах оказался во многих отношениях вывернутым на голову.

«Внешняя торговля в некоторых городах вызвала устройство тонких мануфактур, мануфактуры и внешняя торговля, вместе взятые, породили главные улучшения в земледелии» (БН. Кн. III. Гл. 1. С. 385).

Эти отрывки предваряют кн. III, в которой прослеживается становление стадии торговли, и удивительным образом представляются исторические *факты*, упоминавшиеся в *LJ*, как в некотором смысле *неестественные*.

Сходные трудности возникают в кн. II, где устанавливается иерархия сфер инвестирования, иерархия, к которой Смит обращается при анализе отношений с Америкой, желая «показать», что темп роста последней должен отличаться от темпа роста метрополии. Природа отношений с Америкой, утверждал Смит, принудила колонистов к развитию производства сырых продуктов (БН. Кн. IV. Гл. 7), в то время как колониальная торговля Великобритании привлекала капитал с более ближних рынков (Европы) и перенаправляла его на удаленный рынок, вытесняя некоторую часть капитала из прямой в косвенную международную торговлю — и все это имело свои последствия для нормы прибыли, использования производительного труда и, следовательно, темпа экономического роста.

Губернатор Поунолл был первым, кто заметил, что Смит не привел *эмпирических* свидетельств в поддержку своих рассуждений (Correspondence, letter 369, 1776). Видя, как Смит опирается на различия в производительности инвестиций, Поунолл также заметил, что «предположения», сделанные в кн. II, были использованы «во второй части вашей работы [кн. IV] как данные; когда вы стремитесь доказать, что монополия на колониальную торговлю является коммерческим институтом, неблагоприятным для страны» (Correspondence, letter 354). Смит признавал проницательность Поунолла (Correspondence, letter 182, dated London, 1777) и позднее писал Андреасу Хольту (Correspondence, letter 208, dated Oct. 1780), что учел возражения губернатора во втором издании *БН*. На самом деле он был далек от того, чтобы действительно сделать это. Смит добавил в третье издание, появившееся в 1783 г., в год заключения мира с Америкой, отрывок, в котором предполагается, что «нет необходимости в настоящее время останавливаться дальше на этом, чтобы показать все будущее системы, истинный смысл которой выявил печальный опыт» (БН. Кн. IV. Гл. 8. С. 611–612).

Третья область критики раскрывается в *Принципах политической экономии и налогообложения* (1817) Давида Рикардо. Он стремился обобщить теорию стоимости, в основе которой лежало понятие *воплощенного труда* и которая была обращена к примитивному состоянию общества, когда единственным фактором производства является труд, соединив ее с четко сформулированной теорией дифференциальной ренты, которая фактически устранила двусмысленность

ленности в данном вопросе у Смита. Теперь хорошо известно, что Рикардо также соединил анализ этих проблем со смитовым подходом к росту народонаселения, предложив формальное описание перехода от «расширяющегося развития» к «стационарному», о котором упоминал и Смит.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Аналитический инструментарий Смита, примененный к анализу вероятных закономерностей функционирования экономики, привел его к тому, чтобы выступить с требованием экономической свободы; требованием, которое уже присутствовало в *LJ* и появление которого можно датировать периодом его пребывания в Эдинбурге (Stewart, IV. 25). Это требование повторяется в *БН*, когда Смит призывает монарха освободиться от обязанности,

«при выполнении которой он всегда будет подвергаться бесчисленным обманам и подменам, выполнение которой недоступно никакой человеческой мудрости или знанию об обязанности руководить частным лицом и направлять его к занятиям, более соответствующим интересам общества» (БН. Кн. IV. Гл. 9. С. 647).

В этом хорошо знакомом отрывке скрыта очень важная мысль; а именно, что хотя институты экономики обмена согласуются с институтом личной свободы (например, в рамках закона), они сами по себе недостаточны для того, чтобы установить то, что Смит описывал как «систему естественной свободы» (Там же). Фактически одной из наиболее важных функций государства является *поиск и устранение* препятствий для эффективного функционирования экономики. Смит обращал внимание, например, на неблагоприятные последствия закона об ученичестве и цеховых привилегиях. Подобные правила критиковались им на том основании, что они являлись одновременно и неразумными, и несправедливыми: несправедливыми в том смысле, что контроль над степенью квалификации, необходимой для вступления в профессию, был нарушением священнейшего права собственности — права на свой труд (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 167), и неразумны, поскольку подобные правила сами по себе недостаточны для того, чтобы гарантировать умение. При этом Смит подчеркивал, что рассматриваемые правила сказались бы неблагоприятно на работе всего рыночного механизма. «Уставы об ученичестве препятствуют свободному переходу труда от одного занятия к другому, даже в пределах одной и той же местности. Исключительные привилегии цеховых корпораций не допускают такого же перехода из одной местности в дру-

гую, даже в пределах одной и той же профессии» (БН. Кн. I. Гл. 19. С. 179). Он также отмечал проблемы, созданные Законами о бедных и Законами об оседлости, которые еще сильнее ограничивали свободное перемещение труда из одной местности в другую (БН. Кн. IV. Гл. 2. С. 436).

Кроме того, Смит возражал против привилегий, таких, как монопольная власть, которые он считал порождением гражданского права. Этот институт вновь был представлен как неразумный и несправедливый: несправедливый, поскольку монопольное положение является привилегированным и выгодным, и следовательно, «противоречит справедливости и равенству, которое монарх должен проявлять ко всем классам своих подданных»; неразумный, поскольку цена, по которой продаются монопольно контролируемые товары, «во всех случаях является высшей ценой, какая только может быть получена» (БН. Кн. I. Гл. 7. С. 115). Он также отмечал, что монополия является страшным врагом хорошего управления и что у этого института есть еще один недостаток, связанный с ограничением притока капитала в монополизированные отрасли в результате существовавших законодательных барьеров для входа.

Полезно отличать общий протест Смита против монополии от его же критики одной конкретной ее формы; а именно, меркантилистской системы государственного регулирования экономики, которую он называл «современной системой» экономической политики, лучше всего понимаемой «в нашей стране в наше время». Смит утверждал, что меркантилистская политика, нацеленная на обеспечение положительного торгового баланса с помощью контроля над экспортом и импортом, политика, логика которой лучше всего была выражена Законами о торговле и мореплавании, которые определяли характер торговли между Великобританией и ее колониями, и были разработаны, чтобы создать фактически самодостаточное Атлантическое экономическое сообщество.

Смит возражал против текущей политики описанного типа на том основании, что она искусственно ограничивала рынок и таким образом разрушала возможности для экономического роста. Смит был убежден, что подобная политика уязвима для критики, которая может быть выдвинута против всех вообще мероприятий меркантилистской системы, а именно что «они насильственно направляют некоторую часть труда страны в русло, менее выгодное, чем то, по какому он направлялся бы, будучи предоставлен самому себе» (БН. Кн. IV. Гл. 5. С. 495). В *БН* Смит делал акцент на вмешательстве в механизм аллокации в отличие от *LJ*, где больше внимания уделялось несостоятельности стремления к положительному тор-

говому балансу — аргумент, в значительной степени опиравшийся на анализ кругооборота денег, предложенный Юмом.

Хотя трудно судить, в какой степени призыв к экономической свободе объяснял реакцию современников на *БН*, в Англии он мог быть решающим фактором (Шумпетер. 2001. Т. 1. С. 185), не может быть сомнений в том, что следующие поколения находили аргументацию (и риторику) Смита привлекательной. Празднества, которыми отмечался 50-летний юбилей выхода книги, продемонстрировали широкую и продолжающуюся поддержку доктрины свободной торговли. В 1876 г., на обеде в Клубе политической экономии в честь столетия *БН*, один оратор назвал свободную торговлю наиболее важным последствием работы, проделанной «этим простым профессором из Глазго», и предсказывал, что

«грядет то, что можно назвать отрицательным развитием политической экономии, способным оказать серьезное благотворное воздействие; а именно это такое развитие политической экономии, которое будет вводить функции государства во все более узкие рамки» (Black, 1976, p. 51).

Сейчас это мнение все еще пользуется поддержкой многих.

Трудно спорить с Джейкобом Винером, что «Смит в целом верил, что существует, по меньшей мере, сильное недоверие к деятельности государства» (Viner, 1928, p.140). Но тот же Винер напомнил своим слушателям во время Чикагской конференции в честь 150-летнего юбилея публикации *БН*: «Адам Смит не был доктринером в поддержке *laissez-faire*. Он видел широкие, гибкие рамки деятельности государства» (p. 153–154). Ряд примеров, все из которых были указаны Винером в его классической статье, можно кратко привести здесь.

Во-первых, Смит был готов оправдать конкретные меры государственной политики, призванные решить специфические задачи по мере их возникновения; это принцип вмешательства *ad hoc*. Он защищал использование клейм на серебряных изделиях и полотно как наиболее действенную гарантию их качества (БН. Кн. I. Гл. 10. С. 168), принудительное регулирование залоговых операций (БН. Кн. V. Гл. 2. С. 797), законодательную защиту контрактов (БН. Кн. I. Гл. 9. С. 144) и государственный контроль за чеканкой монеты. Вдобавок он поддерживал предоставление временной монополии торговым объединениям, изобретателям новых машин и, что не удивительно, авторам новых книг (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 701). Он также советовал правительствам, в случае если они сталкивались с пошлинами, установленными конкурирующим государством,

отвечать той же монетой, особенно если такие ответные меры могут привести к отмене высоких пошлин или ограничений. Приобретение вновь обширного иностранного рынка возместит с избытком временную невыгоду, заключающуюся в необходимости платить дороже за некоторые товары в течение непродолжительного времени (БН. Кн. IV. Гл. 2. С. 454).

Во-вторых, Смит высказывался в пользу налогообложения, но не как способа получения дохода, а как источника социальных реформ и способа компенсации того, что сейчас назвали бы ограниченной способностью предвидения. Во имя *общественного* интереса Смит поддерживал налоги на розничную продажу алкоголя, чтобы сдерживать распространение пивных и дифференцированные ставки налога на эль и крепкие напитки, чтобы сократить продажи последних (БН. Кн. V. С.18). Он защищал налогообложение тех земельных собственников, которые требовали уплаты ренты натурой, и тех, которые предписывали определенные методы возделывания земли. Смит также утверждал, что практику продажи будущего дохода ради настоящего необходимо сдерживать на том основании, что она сокращает функционирующий капитал арендатора и одновременно передает часть капитала тем, кто использует его, скорее, на цели текущего потребления, чем на инвестиции, которые непосредственно поддерживали бы производительный труд (БН. Кн. V. Гл. 2).

Смиту, в-третьих, было прекрасно известно, что в современных условиях «кругооборот» зависел от бумажных денег и кредита; фактически это система «двойного кругооборота», включавшая комплекс трансакций, объединявших производителей и торговцев, а также торговцев и покупателей (БН. Кн. II. Гл. 2. С. 33). Именно в этом контексте он защищал контроль над ставкой процента, которая должна быть установлена на таком уровне, чтобы «повсюду предпочитались в качестве должников здравомыслящие люди, а не расточители и спекулянты» (БН. Кн. II. Гл. 4. С. 362). Он также проявлял готовность регулировать выпуск мелких банкнот в интересах стабильности банковской системы. Тем, кто возражал против этого предложения, Смит отвечал, что этого требуют интересы общества, и заключал: «Обязательство возводить брандмауэры между домами, чтобы предотвратить распространение пожаров, представляет собой нарушение естественной свободы такого же характера, как и регулирование банковских операций, предложенное здесь» (БН. Кн. II. Гл. 2. С. 333). Хотя монетарный анализ не считается сильной стороной Смита, следует помнить, что, будучи свидетелем краха Банка Эйр, он был вполне осведомлен о проблемах,

создаваемых изощренной структурой кредита, и именно в этом контексте предложил чрезвычайно общий принцип; а именно, что «такие проявления естественной свободы немногих отдельных людей, которые могут подвергать опасности благополучие всего общества, ограничиваются и должны ограничиваться законами всех правительств, как самых свободных, так и наиболее деспотичных» (БН. Кн. II. Гл. 2. С. 333).

В-четвертых, необходимо обратить внимание на утверждение Смита, что основной обязанностью государства должно быть «основание и содержание таких общественных сооружений и таких общественных работ, которые, будучи, может быть, в самой высокой степени полезными для общества в целом, не могут, однако, своей прибылью возместить расходы отдельного человека или небольшой группы людей, поэтому нельзя ожидать, чтобы частное лицо или небольшая группа частных лиц основывали и содержали их» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 675–676). Приведенные Смитом примеры таких общественных сооружений включали дороги, мосты, каналы и гавани — в полном соответствии с условиями того времени и вниманием Смита к вкладу транспорта в эффективное функционирование рынка и экономический рост. Но хотя по современным стандартам этот список слишком короток, обсуждение этой проблемы все же представляет интерес по двум основным причинам. Во-первых, Смит утверждал, что общественные сооружения или работы должны предоставляться государством только там, где рынок не может сделать этого; во-вторых, он настаивал на том, чтобы учитывались требования эффективности и справедливости.

Как указал в известной статье Натан Розенберг (1960), Смит не утверждал, что правительства должны *непосредственно* предоставлять соответствующие услуги; скорее, они должны задавать институциональные условия, позволяющие задействовать мотивы и интересы тех агентов, которых это затрагивает. Смит без устали подчеркивал, что в любой профессии «старательность большинства тех, кто занимается ею, соответствует необходимости для них проявлять ее» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 705); это равным образом справедливо для учителей, судей, профессоров, государственных служащих и администраторов.

Что касается справедливости, Смит утверждал, что общественные сооружения, такие как дороги, мосты и каналы, должны оплачиваться теми, кто их использует, пропорционально порождаемому износу, — выражение того общего принципа, что платить должен тот, кто получает выгоду. По соображениям эффективности он также отстаивал форму прямых платежей, поскольку только так

можно обеспечить предоставление необходимых услуг там, где в них существует ощутимая потребность (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 667).

И все же Смит сознавал, что не всегда окажется возможно финансировать или поддерживать общественные сооружения, не обращаясь к всеобщему налогообложению. В этом случае, как утверждал он, «местные или провинциальные расходы, выгода от которых получает область или провинция» не должны финансироваться за счет всеобщего налогообложения: «Несправедливо, чтобы общество в целом доставляло средства на оплату расходов, производимых в пользу одной лишь части общества» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 753). Однако он соглашался, что всеобщее участие целесообразно в тех случаях, когда общественные сооружения приносят выгоду всему обществу и не могут поддерживаться вложениями «тех именно членов общества, которые наиболее непосредственно пользуются ими» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 753).

Но и здесь основные черты системы свободы проявляются в том, каким образом должно осуществляться налогообложение. Руководствуясь соображениями общественного благосостояния, Смит указывал, что налоги нужно взимать в соответствии с принципами справедливости, определенности, удобства и экономии (БН. Кн. V. Гл. 2), и настаивал на том, что налоги нельзя взимать способами, ущемляющими свободу субъекта, — например, посредством отвратительных визитов и инспекций сборщика налогов. Подобным же образом он утверждал, что налоги не должны изменять механизма аллокации (как это делают, например, налоги на предметы первой необходимости или занятие определенным видом деятельности) или существенно подавлять индивидуальные усилия, от которых зависит эффективное функционирование всей системы (например, налоги на прибыль или продукцию сельского хозяйства).

ЭТИКА И ИСТОРИЯ

Рассмотренные выше взгляды Смита в области экономической политики тесно связаны с его экономическим анализом. Другие его представления можно адекватно воспринять только в контексте его работ в области этики и юриспруденции.

Напомним, что для Смита в основе нравственного суждения лежит способность мысленно симпатизировать другим людям и что симпатия возникает в отношении определенной социальной группы (ТНЧ. Ч. III. Гл. 1. С. 123). Однако Смит также отмечал, что механизм беспристрастного наблюдателя может разрушиться

в условиях современной экономики отчасти из-за размера производственных коллективов и городов, в которых они существуют.

Смит писал, что в фактических условиях современного общества бедный человек мог оказаться в ситуации, когда «зеркало», показывающее, какими для человека являются другие люди, перестает выполнять свои функции (ТНЧ. Ч. III. Гл. 1. С. 123).

«В силу своего положения человек знатный и состоятельный является заметным и выдающимся членом большого общества, которое следит за каждым его шагом и таким образом вынуждает его самого следить за собственным поведением... Человек низших классов, напротив, отнюдь не является заметным членом какого-либо большого общества. Пока он живет в деревне, за его поведением могут следить, и он сам, может быть, вынужден следить за собственным поведением... Но стоит ему поселиться в большом городе, и он погружается в неизвестность и мрак. Никто уже не наблюдает за его поведением, поэтому весьма вероятно, что он перестанет сам следить за ним и предастся всем видам низменной распущенности и порока» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 734).

В современном контексте предположение Смита можно истолковать в том смысле, что индивид, оказавшийся в такой ситуации, естественно, стал бы искать некоей компенсации, зачастую находя ее не просто в религии, а в религиозных *сектах*; т. е. небольших социальных группах, став членом одной из которых «он фактически выходит из своей неизвестности, а его поведение делается предметом большого внимания общества почтенных людей» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 734). Смит, замечая, что нравы таких сект зачастую были «строги и антиобщественны», рекомендовал две меры для противодействия им.

Первая из этих мер — образование, поскольку наука является «великим противоядием против отравы суеверия и фанатизма». Смит предположил, что государству следует учредить некую разновидность «экзамена даже по высшим и более сложным наукам, которому должно подвергаться всякое лицо для получения разрешения заниматься какой-либо свободной профессией или для назначения на какую-нибудь почтенную должность, ответственную или доходную» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 735). Второй мерой служит поощрение тех, кто мог бы продемонстрировать заблуждения сектантства, способствуя повышению интереса к живописи, музыке, танцу, драме — и сатире (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 735).

Если осознание проблемы одиночества и изоляции, порожденных ростом городов, определяют одну из сторон озабоченности Смита, то вторая сторона связана с пониманием изменений в ха-

рактере разделения труда, происходящих в этих условиях. В более ранних частях своего исследования Смит подчеркивал выгоду для общества в целом от роста производительности, связанного с разделением труда. Но позднее он замечал, что этот важный источник может быть сопряжен с социальными издержками:

«С развитием разделения труда занятия подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводятся к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум. Но умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранить трудности, которые никогда ему не встречаются» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 722).

Продолжая, Смит указывал, что, несмотря на впечатляющий рост *реального дохода*, современный рабочий может находиться в относительно худшем положении, чем бедный дикарь, поскольку в примитивных обществах разнообразие занятий всех их членов — экономических, политических, военных — предохраняет их разум от той сонливости, которая «в цивилизованном обществе притупляет умственные способности почти всех членов низших классов народа» (Там же). Именно то, что «работающие бедняки, т. е. большинство людей» могут впасть в описанное состояние, делает необходимым вмешательство государства.

Оправданием такого вмешательства, по мнению Смита, является, как и раньше, провал рынка, заключающийся в том, что работающие бедняки в отличие от людей, обладающих положением и состоянием, не имеют времени, средств или (в силу рода своих занятий) склонности давать образование своим детям (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 724). На фоне этой масштабной проблемы предлагаемая Смитом программа представляется довольно ограниченной. Она основана на предпосылке, что «люди из простонародья не могут в цивилизованном обществе получить такое хорошее образование, как люди знатные и состоятельные» (Там же). Однако он утверждал, что всем им можно дать наиболее базовые части образования, научить читать, писать и считать, познакомить с «элементарными отделами геометрии и физики» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 725). Смит добавлял:

«Государство может сделать *необходимым* почти для всего населения приобретение этих наиболее существенных знаний, сделав обязатель-

ным экзамен или испытание в них для каждого, желающего сделать-ся членом какой-либо корпорации или намеревающегося заняться каким-либо промыслом в деревне или городе» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 725; курсив наш).

Отдельно, хотя и в связи с приведенным выше, Смит высказывал озабоченность падением воинственного духа, что является следствием природы четвертой — торговой — стадии общественного развития. Он заключал:

«Если бы даже военный дух народа был бесполезен для защиты государства, все же в интересах предотвращения распространения в массе народа того рода моральной искалеченности, обезображенности и несчастья, к каким неизбежно ведет трусость, он заслуживает самого серьезного внимания правительства...» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 726–727).

Смит продолжал и уподобил контроль над трусостью предотвращению «проказы или любой другой ненавистной и отвратительной болезни», чем побудил Джейкоба Винера добавить общественное здравоохранение к уже и без того длинному списку функций, которые Смит присваивал государству (Viner, 1928, p.150). Эта озабоченность Смита побудила Винча (1978) отыскать в работах Смита *свидетельства* более древнего, классического интереса к вопросу о гражданстве. Другие (см., например, Hont and Ignatieff, 1983) отнесли Смита к традиции гражданского гуманизма¹.

Историческая составляющая трудов Смита влияет также на его подход к вопросам политики. Смит замечал, что в каждом обществе, находящемся в переходном состоянии, «законы часто продолжают сохранять свою силу долгое время после того, как исчезли обстоятельства, которые породили их и которые одни только могут придать им смысл» (БН. Кн. III. Гл. 2. С. 386). В таких случаях Смит советовал отказываться от тех мер, которые когда-то были целесообразными, но больше не являются таковыми. Он привел в качестве примера законы о наследовании; целесообразные в феодальный период, во времена Смита они ограничивали продажу и улучшение земли. Постоянная проверка *актуальности* конкретных законов является важной функцией «законодателя» (Naakopsen, 1981).

Аналогично, обсуждая такие важные функции государства, как правосудие и оборона, Смит опирался на анализ стадий обществен-

ного развития, в ходе которого была высказана важная мысль о том, что постепенное изменение экономической и социальной структуры породило необходимость содержания регулярной армии (БН. Кн. V. Гл. 1).

Но, возможно, наиболее удивительным и интересным является то, что четвертую стадию развития экономики Смит мог соотносить с конкретной формой социальной и политической структуры, определяющей основные *очертания государства* и рамки, в которых оно должно функционировать. В этой связи можно вспомнить, что Смит связывал четвертую стадию развития экономики с устранением отношений прямой зависимости, которая была характерна для аграрного периода феодализма. Политически важным изменением, связанным с четвертой стадией, он считал рассредоточение власти, обусловленное появлением новых форм богатства, которые, *по крайней мере, в тех своеобразных обстоятельствах, в которых находилась Англия*, нашли отражение в возросшем влиянии палаты общин.

Смит сознавал, что в этих условиях государство представляет собой сложный инструмент и что несение государственной службы само по себе является предметом амбициозных устремлений — состязательной игрой, целью которой является «вытянуть один из больших выигрышей, выбрасываемых иногда колесом большой государственной лотереи британской политической жизни» (БН. Кн. IV. Гл. 7. С. 591).

И все же для Смита наиболее важным было то, что те же самые экономические силы, которые вызвали усиление палаты общин, также сделали ее важной точкой пересечения частных интересов — изменение, которое могло существенно повлиять на принимаемые законы и сказаться тем самым на том широком представлении об общественном благе, которому в идеале должна была бы быть подчинена работа Парламента.

В *Богатстве народов* признается, что группы, распоряжающиеся землей, деньгами, промышленностью и торговлей, обладают специальными интересами, которые могли бы вмешиваться в работу правительства. Смит часто упоминал их «крикливые приставания» и даже пошел настолько далеко, что предположил, что власть, принадлежащая работодателям, способна серьезно ущемлять интересы других слоев общества (БН. Кн. I. Гл. 8, 10).

Смит настаивал на том, что к предложению об издании какого-либо нового закона, исходящему от этого класса:

«надо всегда относиться с величайшей осторожностью, его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмот-

¹ Термин, введенный американским историком Г. Бароном в 1950-е годы для описания флорентийского гуманизма — направления XIV–XV вв., в котором проблемы этики тесно переплетались с социально-политическими. — *Прим. науч. ред.*

рения с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит из того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение, угнетать его, и который действительно во многих случаях вводил его в заблуждение и обманывал» (БН. Кн. I. Гл. 11. С. 282).

Он также осознавал опасность манипуляций, связанных с введением гражданского листа¹ (LJ (A), iv. 175–176).

Не менее интересно заметить, насколько часто Смит писал об ограничениях, вызываемых «устоявшимися привычками и предрассудками» людей, и о необходимости адаптировать законодательство к тому, что позволяют «интересы, предрассудки и нравы соответствующего периода» (БН. Кн. IV. Гл. 5; Кн. V; ТНЧ. Ч. VI. Гл. 2). Подобные высказывания свидетельствуют о том, что Смит придавал большое значение образованию. Он утверждал, что образованный народ скорее сможет распознать корыстные жалобы и претензии различных группировок. Он предупреждал:

«в свободных странах, где устойчивость правительства очень сильно зависит от благоприятной оценки образа действий народом, чрезвычайно важно, чтобы последний не был склонен судить о правительстве слишком быстро и опрометчиво» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 727).

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В отличие от современного читателя, студенты, слушавшие курс Смита в Глазго, были более подготовлены к тому, чтобы понять, как то, что его различные составные части важны сами по себе, так и то, что они взаимосвязаны. Рассуждения об этике ясно показывают, каким образом возникают общие правила поведения, в том числе правила *справедливости*, и показывают необходимость в некоторой системе судебной власти или государственного управления. Обсуждая право, Смит демонстрирует, как возникло и развивалось государство, и одновременно касается сути правил поведения, возникших в различных обществах.

Студентам Смита также было очевидно, что его подход к экономике основывался на психологических суждениях (таких, как жажда статуса), которые можно объяснить только в рамках этики, а также что в этой части рассуждений Смит принимает как данность

¹ В Великобритании — денежная сумма на содержание лиц королевской семьи, введена в 1660 г. при восстановлении монархии. Современная система гражданского листа была создана при вступлении на престол Георга III в 1760 г. — *Прим. науч. ред.*

конкретную социоэкономическую структуру, соответствующую четвертой, торговой стадии экономического развития. Понять замысел Смита можно только изучая логику развития его идей в том виде, как они были представлены в его лекциях по этике, юриспруденции и экономике, причем в том порядке, в котором, как мы знаем сегодня, он их читал. Равным образом анализ государственной политики в *БН* приобретает особый смысл, когда мы рассматриваем его не только как развитие предшествующих экономических рассуждений, но также в свете соответствующих идей в области этики и юриспруденции.

Но стоит также напомнить, что каждый отдельный компонент системы представляет собой научную работу в стиле Ньютона, и в том же стиле было задумано и объединяющее их целое. Научные устремления Смита были столь же реальны, как его понимание методологических трудностей, которые могут возникнуть в ходе такой работы. Подобные факты позволяют завершить эту статью обращением к тому, что Смит знал и писал о научной литературе.

Интерес Смита к математике проявился еще когда он был студентом в Глазго (Stewart, I.7). Он, похоже, также сохранял общий интерес к естественным и биологическим наукам — факты, которые подтверждаются книгами, которые он покупал для университетской (Scott, 1937, p.182) и собственной библиотек (Mizuta, 1967). Смитово «Письмо к авторам *Эдинбургского обозрения*» (1756), в котором он предупреждал против необоснованной ограниченности шотландской литературой, позволяет заключить, что Смит был широко начитан в области естественных наук. Письмо также содержит ссылки на статьи из французской *Энциклопедии*, на труды Бюффона, Добантона и Реомюра. Д.Д. Рафаэль утверждал, что в *Письме* он во многом опирался на работы Юма (EPS, 248, n.13).

Эссе об астрономии, датированное тем же периодом (известно, что оно было написано до 1758 г.), показывает, что Смит был знаком как с классическими, так и с более современными представлениями таких авторов, как Галилей, Кеплер и Тихо Браге, — полезное напоминание о том, что философ XVIII в. мог работать на передовых рубежах современного ему знания сразу в нескольких областях науки.

Но Смита также интересовала наука как форма общения — в *Лекциях по риторике и литературе* он утверждал, что способ организации этого типа дискурса должен отражать как его цель, так и представления о психологических характеристиках аудитории.

В своей лекции, прочтенной 24 января 1763 г., Смит отмечал, что дидактические или научные произведения могут преследовать одну из двух целей: либо «высказать тезис и доказать его с помощью

различных аргументов, ведущих к этому выводу», либо развивать систему в какой-либо науке. Что касается последнего, то Смит высказывался в пользу того, что он называл ньютоновским методом, в рамках которого мы «закладываем определенные принципы, известные или доказанные изначально, опираясь на которые, мы описываем несколько явлений, связанных между собой» (LRBL. Ch. 2. P. 133). Здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, Смит ясно дает понять, что именно Декарт, а не Ньютон был первым, кто использовал этот метод *доказательства*, хотя первый воспринимался как автор «одного из наиболее занимательных из когда-либо написанных романов» (LRBL, 134; Letter 5). Во-вторых, его упоминание об удовольствии, которое можно извлечь из метода Ньютона (LRBL. Ch. 2. P. 134), привлекает внимание к проблеме научной *мотивации*, теме, которая впоследствии была развита в *Астрономии*, где Смит обратился к тем принципам, «которые ведут и направляют научный поиск».

В *Астрономии* как данность принимались некоторые результаты, которые были получены в лекциях Смита о языке и *Consideration*; а именно, что люди обладают способностью к актам «упорядочения или классификации, сравнения и абстракции» (LRBL. Ch. 2. P. 207; Correspondence, letter 69, dated 7 Feb. 1763).

Но в эссе об астрономии заложен несколько иной подход к этому вопросу — Смит утверждает, что обладающий описанными выше способностями ум извлекает некое удовольствие из созерцания связи, сходства или упорядоченности — или, как сказал бы Юм, из определенной ассоциации идей. Смит коснулся весьма тонкого момента, утверждая, что, когда разум сталкивается с новым явлением, которое не укладывается в уже установившуюся классификацию, или когда мы встречаемся с неожиданной ассоциацией идей, мы испытываем удивление, а затем — интерес (Astronomy. Ch. II. P. 9). За этим обычно следует попытка объяснить увиденное, рассчитанная на то, чтобы вернуть нашему «воображению» покой (Astronomy. Ch. II. P. 6).

Рассмотренная под таким углом задача объяснить становится осознанной потребностью, которую можно удовлетворить лишь тогда, когда представленное объяснение логически последовательно и выражено в терминах, пригодных для описания рассматриваемого явления на языке «знакомых» принципов. Смит был убежден, что реакция философа или ученого бывала аналогична реакции обычного наблюдателя и что природа как целое «похоже, изобилует событиями, которые представляются исключительными и нелогичными», тем самым нарушая «свободное движение вооб-

ражения» (Astronomy. Ch. II. P. 12). Но он также отмечал, что философы занимаются научными изысканиями «ради них самих, как удовольствия или блага самого по себе» (Astronomy. Ch. III. P. 3).

Большая часть эссе об астрономии посвящена иллюстрации степени, в которой четыре выделенные Смитом великие системы мысли — системы концентрических и эксцентрических сфер, а также теории Коперника и Ньютона — были фактически способны «успокоить воображение». Но Смит придал этому рассуждению новое измерение, стремясь раскрыть динамику процесса. Он утверждал, что каждая из указанных систем научного мышления подвергалась изменениям по мере того, как осуществлялись новые наблюдения. Смит предположил, что каждая из систем подвергалась изменениям, и это сделало ее неприемлемо сложной и тем самым открывало дорогу для альтернативного объяснения тех же явлений. Будучи более простым, это объяснение лучше отвечает потребностям воображения (Astronomy. Ch. IV. P. 18, 28). В глазах Смита работа сэра Исаака Ньютона явилась кульминацией длительного исторического процесса (Astronomy. Ch. IV. P. 76).

В целом это рассуждение Смита также содержит некоторые принципиальные выводы. В его анализе нет ничего, что предполагало бы, что ньютонова (или смитова) система содержит некую окончательную истину. В то же время Смит, по-видимому, обратил внимание на то, что теперь известно как проблема «субъективности» в науке. Он утверждал, что научная мысль часто представляет собой реакцию на распознанную психологическую потребность. Он также уподобил удовольствие от великих произведений научной мысли удовольствию, которое мы испытываем, слушая «хорошо написанный концерт инструментальной музыки» (Imitative Arts, II.30). В другом отрывке он ссылаясь на естественную для каждого человека склонность «выводить все существующие явления из возможно меньшего количества положений» (ТНЧ. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 2. С. 289) и затем писал о той легкости, с которой «образованные люди отвергают свидетельства своих чувств, чтобы сохранить логику своих идей» (Astronomy. Ch. IV. P. 35). Обсуждая проблему восприятия новых идей, Смит подчеркивал роль предвзятых представлений и образования (Astronomy. Ch. IV. P. 35).

Он обращал внимание на важность аналогий, полагая, что философы часто пытаются объяснить необычное, обращаясь к знанию, приобретенному в других, не связанных с данной областях. Он отмечал, что в некоторых случаях принятая аналогия способна не просто указать на удивительное сходство, но и «стать поворотным моментом» (Astronomy. Ch. II. P. 12).

Смит интенсивно использовал механистические аналогии, почерпнутые из работ Ньютона: он воспринимал Вселенную как «великую машину», в которой всякая вещь «устроена самым удивительным образом для достижения предназначенной ей цели» (ТНЧ. Ч. II. Отд. 2. Гл. 3. С. 102). Он также отмечал, что человеческое общество, когда мы рассматриваем его в определенном абстрактном и философском свете, представляется огромной, необъятной машиной (ТНЧ. Ч. VII. Отд. 2. Гл. 1. С. 2). Это предположение, естественным образом приводящее к различию между производящими причинами и причинами конечными (ТНЧ. Ч. II. Отд. 2. Гл. 3. С. 102), не противоречит той форме теизма, которую связывали с самим Ньютоном. Поражает также, что Смит распространил механистическую аналогию на системы представлений:

«Системы во многих отношениях напоминают машины. Машина — это маленькая система, созданная, чтобы совершать, а также соединять в реальности те различные движения и воздействия, которые ее создатель имел в виду. Система — это воображаемая машина, изобретенная для того, чтобы соединять в воображении те разные движения и воздействия, которые происходят в жизни» (Astronomy. Ch. IV. P. 19).

Каждая часть того, что сделано Смитом, является на самом деле «воображаемой» машиной, которая вполне соответствует сформулированным им самим правилам организации научного дискурса, которые раскрывают существовавшее у Смита видение красоты «систематического расположения различных наблюдений, объединенных немногими общими принципами» (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 712). Все это в целом позволяет многое понять о внутренних мотивах Смита как мыслителя и высвечивает его (субъективное) пристрастие к систематичности, логике и порядку (БН. Кн. V. Гл. 1. С. 712).

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

Издания и сокращения. Прекрасное издание *Лекций по юриспруденции* было выпущено Эдвином Кэннаном в 1896 г. Кэннан также подготовил хорошее издание *Богатства народов* в 1904 г. Дж. М. Лоттиан отредактировал *Лекции по риторике* в 1963 г.

Последующие ссылки делаются на вышедшее в Глазго издание *Трудов и переписки Адама Смита (Works and Correspondence of Adam Smith)*. Oxford: Clarendon Press, 1976–1983). Это издание содержит следующие работы:

I. *Теория нравственных чувств* (ТНЧ), под ред. Д.Д.Рафаэля и А.Л.Макфи (1976) [Русск. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.]

II. *Исследование о природе и причинах богатства народов* (БН), под ред. Р.Г. Кэмпбелла, Э.С. Скиннера и У.Б. Тодда (1976). [Русск. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]

III. *Очерки на философские темы* (ОФТ), под ред. Д.Д. Рафаэля и Э.С. Скиннера (1980).

В этот том входят:

- (i) «История древней логики и метафизики» (Древняя логика).
- (ii) «История древней физики» (Древняя физика).
- (iii) «История астрономии» (Астрономия).
- (iv) «О сходстве между некоторыми английскими и итальянскими стихами» (Английские и итальянские стихи).
- (v) «О внешних чувствах» (Внешние чувства).
- (vi) «О природе подражания, имеющего место в так называемых изобразительных искусствах» (Изобразительные искусства).
- (vii) «О сходстве между музыкой, танцем и поэзией».

Перечисленные выше пункты (i)–(vii) были подготовлены У.П.Д. Уайтмэном.

(viii) «О сходстве между некоторыми английскими и итальянскими стихами».

(ix) Статьи в *Эдинбургском обозрении* (1755–1756).

(a) Рецензия на Словарь Джонсона.

(b) Письмо авторам *Эдинбургского обозрения* (Письмо).

(x) Предисловие к *Стихам, написанным по разным случаям* Уильяма Гамильтона. Пункты с (viii) по (x) выше были подготовлены Дж.К. Брайсом.

(xi) Дугалд Стюарт, «Описание жизни и трудов Адама Смита LL.D.» (Stewart)

Под редакцией И.С. Росса.

IV. *Лекции по риторике и литературе* (LRBL), под ред. Дж. К. Брайса, общая редакция Э.С.Скиннера (1983).

В этот том входят:

«Соображения о первичном возникновении языков» (Consideration).

V. *Лекции по юриспруденции* (LJ) / Под ред. Р.Л. Мика, П. Дж. Стайна и Д.Д. Рафаэля (1978). В этот том входят:

(i) Студенческие конспекты лекций 1762–1763 гг. (LJ(A)).

(ii) Студенческие конспекты лекций 1763–1764 гг., датированные 1766 г. (LJ(B)).

(iii) «Ранний черновик» *Богатства народов* (ED).

(iv) Два фрагмента о разделении труда (ФА) и (ФВ).

VI. *Переписка Адама Смита* (Correspondence), под ред. Э.К. Мосснера и И.С. Росса (1977). В этот том входят:

(i) «Письмо от губернатора Поунолла Адаму Смиту (1776)».

(ii) «Соображения Смита о состоянии противоборства с Америкой, февраль, 1778 г.», под ред. Д.Стивенса.

(iii) «Письма» И. Бентама Адаму Смиту (1787, 1790).

Сопутствующий том

Эссе об Адаме Смите (EAS), под редакцией Э.С. Скиннера и Т. Уилсона (1975).

Ссылки на Переписку содержат номер и дату письма. Ссылки на LJ и LRBL содержат номер тома и страницы из ТНЧ. Все остальные ссылки содержат номер раздела, главы и абзаца, чтобы облегчить работу с различными изданиями. Например: Astronomy, II. 4 означает «Историю астрономии», раздел II, абзац 4; Stewart, I.12 — Дугалд Стюарт, «Описание», раздел I, абзац 12; ТНЧ, I.i.5.5 — ТНЧ, часть I, раздел i, глава 5, абзац 5; БН, V.i.f.26 — БН, том V, глава i, раздел 6, абзац 26.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bagolini, L. 1975. The topicality of Adam Smith's notion of sympathy and judicial evaluation. In *Essays on Adam Smith*, ed. T. Wilson and A.S. Skinner, Oxford: Clarendon Press, 100–13.
- Black, R.D.C. 1976. Smith's contribution in historical perspective. In *Essays on Adam Smith*, ed. T. Wilson and A.S. Skinner, Oxford: Clarendon Press, 42–63.
- Blaug, M. 1962. *Economic Theory in Retrospect*. London: Heinemann; Homewood, Ill.: R.D. Irwin [Русск. пер.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.]
- Campbell, R.H. and Skinner, A.S. 1982. *Adam Smith*. London: Croom Helm; New York: St. Martin's Press.
- Campbell, T.D. 1971. *Adam Smith's Science of Morals*. London: Allen & Unwin.
- Haakonssen, K. 1981. *The Science of a Legislator: The Natural Jurisprudence of David Hume and Adam Smith*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hollander, S. 1973. *The Economics of Adam Smith*. Toronto: University of Toronto Press.
- Hont, I. and Ignatieff, M. 1983. *Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Howell, W.S. 1975. Adam Smith's lectures on rhetoric: an historical assessment. EAS, 11–43.
- Koebner, R. 1961. *Empire*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Grosset and Dunlap, 1965.
- Lindgren, J.R. 1973. *The Social Philosophy of Adam Smith*. The Hague: Martinus Nijhoff
- Macfie, A.L. 1967. *The Individual in Society: Papers on Adam Smith*. London: Allen & Unwin.
- Meek, R.L. 1962. *The Economics of Physiocracy: Essays and Translations*. London: Allen & Unwin.
- Meek, R.L. 1973. *Turgot on Progress, Sociology and Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meek, R.L. 1976. *Social Science and the Ignoble Savage*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Cambridge University Press.
- Mizuta, H. 1967. *Adam Smith's Library*. Cambridge: Cambridge University Press.
- O'Brien, D.P. 1975. *The Classical Economists*. Oxford: Oxford University Press.
- Rae, J. 1895. *Life of Adam Smith*. London: Macmillan; New York: A.M. Kelley, 1965.
- Raphael, D.D. 1985. *Adam Smith*. Oxford: Oxford University Press.
- Rosenberg, N. 1960. Some institutional aspects of the *Wealth of Nations*. *Journal of Political Economy* 68, 557–70.
- Schumpeter, J.A. 1954. *History of Economic Analysis*. London: Allen & Unwin. [Русск. пер.: Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001.]
- Scott, W.R. 1900. *Francis Hutcheson*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Scott, W.R. 1937. *Adam Smith as Student and Professor*. Glasgow: Jackson.
- Skinner, A.S. 1279. *A System of Social Science: Papers Relating to Adam Smith*. Oxford: Oxford University Press; New York: Oxford University Press.
- Taylor, W.L. 1965. *Francis Hutcheson and David Hume as Predecessors of Adam Smith*. Durham, North Carolina: Duke University Press.
- Viner, J. 1928. Adam Smith and laissez faire. In *Adam Smith, 1776–1926*. Chicago: Chicago University Press.
- Winch, D. 1978. *Adam Smith's Politics: An Essay in Historiographic Revision*. Cambridge: Cambridge University Press; New York: Cambridge University Press.
- Wood, J.C. 1984. *Adam Smith: Critical Assessments*. 4 vols, London: Croom Helm.